Она уходит со мной

Автор:
Алиса Ковалевская

Она уходит со мной

Алиса Ковалевская

На устроенном братом аукционе я стала единственным лотом. Продать моё тело, мою невинность, чем не способ заработать? Его друзья не оставили бы на мне живого места, если бы в самый разгар веселья не появился он. Одетый во всё чёрное мужчина, от одного взгляда которого бросает в дрожь. Он стал моим спасением. Только есть одно «но»: появился он не за тем, чтобы меня спасти. Я должна ему, и он пойдёт на всё, чтобы получить своё…

Содержит нецензурную брань.

Алиса Ковалевская

Она уходит со мной

Часть 1

Глава 1

Вероника

– Она уходит со мной.

На стол перед моим братом упало несколько купюр. Бросивший их мужчина осмотрел меня с головы до ног полным презрения взглядом.

– Прикройся, – сдёрнул со стола скатерть и всучил мне.

– Эй, мужик, – брат встал. Его глумливая усмешка стала ещё кривее, – куда ты торопишься? Мы только начали.

Они действительно только начали. Когда старший брат едва ли не силком притащил меня в местный клуб, я и представить не могла, что он задумал устроить самый настоящий аукцион. Единственным лотом была я. Вернее, моё тело. Заведя в крохотную комнату, где уже собралась шайка его друзей, брат ударил в ладони и объявил аукцион открытым. Начальная ставка – косарь. Сперва я подумала, что он издевается. Что это какая-то извращённая и дебильная шутка. Но, когда он по-скотски грубо, не реагируя на моё сопротивление, разорвал на мне платье, стало ясно, что всё по-настоящему. Первая же попытка сбежать закончилась хлёстким ударом по лицу и угрозой, что, если я рыпнусь, они разложат меня на столе и будут трахать до тех пор, пока не надоест. Все вместе. А потом пустят видео в сеть и срубят на этом бабла. Ставки пошли вверх – тысяча сто, тысяча двести… Когда тощий блондин с редкими сальными патлами предложил две, в комнате появился… Я думала, что ужасней быть уже не может. Но я ошибалась. Потому что это был он. Он!

Брат подошёл ко мне. Выхватил скатерть и вытолкнул меня вперёд.

– У нас тут, вообще-то, торги. Смотри, какая задница, – смачно шлёпнул меня. – Неплохо бы накинуть…

– Да хватит! – со слезами воскликнула я. Попыталась вырваться, но пальцы Лёни впились в плечо.

– Что хватит? – зло зашипел он. Оскалился. – Что хватит, я тебя спрашиваю?! – тряхнул меня, как тряпичную куклу. – Я тебя, суку, почти пять лет кормил! Должен же от тебя быть хоть какой-то толк!

Его пропитанное вонью дешёвого пойла дыхание вызывало рвотный рефлекс. Я принялась выворачиваться, желая спрятаться от сальных взглядов его друзей и презрительного – одетого во всё чёрное мужчины.

Что есть силы вонзила ногти в ладонь брата. Тот зашипел сквозь зубы.

– Сука! – Лёня замахнулся. Я инстинктивно прикрыла лицо, подалась назад, ожидая удара. Но удара не последовало.

– Ты меня не понял?! – услышала я грозный рык одновременно со звоном покатившейся по столу пепельницы.

В нос ударила вонь окурков, дешёвого пива. Потерявшая равновесие, я лежала на столике и смотрела на мужчину, крепко сжимающего занесённую руку брата.

Его чёрные глаза гневно блестели, в голосе звучала сталь.

– Или, может, у тебя проблемы со слухом? – от его тона у меня похолодели внутренности. – Она уходит со мной. Какого лешего ты решил испортить то, что я купил?

Стоило мне попробовать приподняться – ладонь угодила в мерзкую пивную лужу.

Мужчина оттолкнул Лёню, как щенка. Посмотрел на меня и приказал:

– Поднимайся.

С дивана раздался смешок одного из его убогих дружков. Другому вообще было срать на происходящее. Лакая пиво, он таращился на мою грудь. Рука его лежала на вздутой ширинке.

– Дай хоть потрогаю, – потянулся он ко мне.

Я отпрянула. Опять задела пепельницу, и окурки вывалились на мою руку. Подтянула съехавшую скатерть.

– Добавь ещё косарь, – подал голос брат. – За целку.

Его дружки в голос заржали, губы мужчины искривились.

Достав из кармана несколько смятых купюр, он смял их в комок и кинул в стоявшую рядом с тем местом, где он сидел кружку.

– За целку, – кивком указал на вишенкой увенчавшую пивную пену банкноту.

Ублюдки заржали, как психованные кони. Я поднялась. Ещё час назад я бы предпочла встречи с этим человеком что угодно. Сейчас он был единственным моим спасением.

– Давно не виделись, Вероника, – выговорил он спокойно. Но от его спокойствия вся покрылась мурашками.

Я шевельнула губами.

– Откуда вы знаете моё имя?

Он смерил меня взглядом и, не ответив, показал на выход из VIP комнаты.

Один из дружков брата поднялся с дивана. Здоровенный боров с маленькими заплывшими глазками и наколкой в виде черепа на правой ладони. Он был самым отвратительным из всех. Один его вид всегда вызывал у меня омерзение. Медленно он вышел из-за стола и преградил нам дорогу.

– Веселье только началось, – пробасил он сквозь долбящие по голове музыкальные биты. – Лёня обещал шоу.

– Веселись, кто тебе не даёт? – уголок его губ дрогнул при взгляде на моего брата. – Лёня к твоим услугам.

Боров стиснул челюсти. На обрюзгшем лице появилось нечто похожее на желваки. Мой брат по-шакальи скалился. Выступил, было, вперёд, но остановился, наткнувшись на предупреждающий взгляд. Прервавший устроенное Лёней представление незнакомец демонстративно отодвинул в сторону полу пиджака. Я сглотнула, увидев на его поясе кобуру с пистолетом. Увидели её и остальные.

– Ещё что-то? – осведомился он.

Ответом ему послужила тишина. Ом медленно повернулся от брата к Борову. Тот тоже молчал, поджав губы.

Я сгребла в кулак скатерть на груди. Под ней на мне не было ничего, кроме застиранных до серости трусиков. Разорванное братом платье так и валялось на полу.

– Вот и хорошо, – заключил незнакомец и толкнул дверь. Выпустил меня в холл и, только мы отошли на пару метров, развернул к себе.

– Неужели ты думала, что я тебя не найду?

Я и правда так думала. Но теперь, глядя в черноту его глаз, понимала – напрасно.

Мокрый асфальт обжигал ноги холодом. Несмотря на начало апреля, кое-где на газонах ещё лежал грязный снег. У края дороги скопилась тёмная жижа.

– В машину, – передо мной открылась дверца.

Я опасливо посмотрела на мужчину. Пальцы сами собой сжались. Мимо, освещая фарами дорогу, промчалась шестёрка с вопящей из окон музыкой.

– Я долго буду ждать? – нетерпеливо осведомился незнакомец.

Желание спрятаться в тёплой машине боролось со здравым смыслом. Я покосилась на темнеющий между домов зазор. Заметила, как открылись двери клуба. На освещённый пятачок перед входом вывалилась компания, среди которой я заметила брата. Один из его друзей приобнимал за бёдра вульгарно смеющуюся девицу в сетчатых колготках.

К брату подошёл незнакомый мне парень. Сунул что-то ему в руку.

Что было дальше, увидеть я не смогла. Без церемоний хозяин внедорожника толкнул меня внутрь и захлопнул машину. Сам сел за руль. Двери со щелчком заблокировались, и автомобиль сорвался с места. Меня швырнуло на спинку сиденья, рука подогнулась. Накинутая на плечи скатерть соскользнула на пол.

– Куда вы меня везёте? – хотела, чтобы голос звучал уверенно. Вышло с дрожью и сдавленно.

Одежды на мне не было. Взгляд мужчины прошёлся по мне, когда, кое-как сев, лихорадочно прикрыла грудь. Глаза были тёмными и пустыми, как чёрный провал пропасти. Стало совсем не по себе. Я была мышью, кинутой в клетку с удавом, выход из которой мне отрезали.

– Куда вы меня везёте?! – уже с нотками истерики, получив вместо ответа презрительную усмешку в самых уголках его жёстких губ.

Скатерть была мокрой и грязной. Не сводя с незнакомца глаз, я дотянулась до неё. Ручка двери вжималась в спину до боли, от стекла веяло холодом. Машина резко повернула, и я ещё сильнее впечаталась спиной.

– Перестаньте! – просипела я. – Чего вы хотите?!

И опять он посмотрел на меня. Так, что я осеклась и сглотнула. Черты лица у него были твёрдыми, квадратный подбородок выдавал несгибаемый характер. Чёрные волосы слегка завивались у висков, запястье обхватывал кожаный ремень часов. Дорогих – это было ясно без слов. Всё вместе это кричало об исходящей от него опасности.

Но главным был его взгляд. Никогда я не видела таких чёрных глаз. Никогда никто не смотрел на меня так, как смотрел этот мужчина.

Мы мчались по ночным улицам нашего крохотного городка. Мимо давно молящих о сносе домов, сносить которые никто не собирался, мимо проплешин выбитых витрин.

– За те деньги, что мне пришлось выложить, мог бы снять толковую шлюху, – выговорил он спустя несколько минут полной тишины. – Придётся приплюсовать

это к твоему долгу, девочка.

Ухмылка была настолько недоброй, что я поёжилась.

– Я вам ничего не должна, – возразила.

– Разве? – автомобиль качнуло на новом повороте. В стекле вспыхнул свет фонаря и померк. Теперь дорогу освещали только фары. Ночь вокруг нас смыкалась. Чернота становилась всё страшнее.

Неожиданно мы остановились. Я вскинула голову, стараясь рассмотреть что-нибудь снаружи. Видно было только кусок бетонной стены. На лобовое стекло начали падать мелкие дождевые капли. Марево, сквозь которое я могла различить три первые буквы написанной на бетоне похабщины.

Ничего не говоря, мужчина вышел из машины. Новый хлопок двери был страшнее предыдущего. Но, как сильно боюсь, стало ясно, только когда он открыл дверь с моей стороны и приказал:

– Выходи.

Я не двинулась с места.

– Не трогайте меня! – попыталась было отодвинуться, но он махом вытащил меня из салона. Швырнул к капоту. Сердце стучало, как у загнанного кролика. Даже холод пробрался под кожу не сразу.

– Мне нужно от тебя две вещи, Вероника, – расставив ноги на ширину плеч, он стоял напротив. Ветер гнал по пустырю мусор, и этот шорох, сплетаясь с его вкрадчивым голосом, гипнотизировал, доводил до сумасшествия.

Мужчина в чёрном дотронулся до моей щеки. Пальцы у него были такие же твёрдые, как и черты лица. Обманчиво ласково он погладил меня по скуле и вдруг крепко сжал подбородок.

– Ты догадываешься, какие именно, верно? Ты же умная девочка, – шаг, и он оказался ко мне вплотную.

Бежать мне было некуда. Я вжалась в машину, вглядываясь в его лицо. Попыталась отвернуться. Он обхватил за шею.

– Нет, не умная. Была бы умная, мы бы сейчас с тобой не разговаривали.

Высвободив из моих сведённых судорогой пальцев скатерть, он накинул её на меня. Свёл уголки на груди.

– Где он? – скрутил кончики.

Я оказалась пойманной в кокон. Не могла пошевелить руками, не могла отпрянуть. Я ничего не могла. Только смотреть на него. Лицо покрылось капельками водяной пыли. Я начинала замерзать, и только в том месте, где наши тела соприкасались, жгло так, словно меня клеймили раскалённым железом.

– Дома, – прошептала я, не слыша собственного голоса.

– Дома? – прикосновение к щеке. – Ты уверена, Вероника? – нежнее к шее и снова к щеке. – Не обманываешь меня?

– Нет. Всё дома.

Он прищурился. Провёл кончиками пальцев по моему виску, по волосам. Взял одну прядь и накрутил на указательный. Потянул на себя.

– Я и так потратил на тебя слишком много времени.

– Всё дома, – повторила немного увереннее. Совсем капельку, только чтобы он смог разобрать слова.

– Хорошо, – отпустил волосы. – Сейчас мы поедем к тебе домой. А потом… – ладонь опустилась мне на бедро. – Придётся преподать тебе урок.

Заговаривать с ним я не решалась. Покоя не давал вопрос, как он нашёл меня. Кто мог сказать ему, что я в клубе, если до последнего мне и самой известно не было, куда тащит меня брат.

Только когда на развилке мы свернули на нужную улицу, до меня дошло, что адрес дома ему тоже не говорила.

– Откуда вы знаете, куда ехать? – резко повернулась к мужчине.

– Откуда вы знаете, где я живу? – замёрзшая, напуганная, я вдруг начала злиться.

– Я много чего знаю, Вероника.

– И что же, Герман? – в резко возникшей тишине он медленно повернул ко мне голову.

Мы смотрели друг на друга до тех пор, пока ему это не надоело. Дёргать тигра за усы было занятием так себе. И всё-таки инстинкт самосохранения дал сбой.

– Ловкие руки и длинный нос – опасное сочетание, – сбросив скорость, он пропустил припозднившегося пешехода.

Паузы как раз хватило для того, чтобы я успела разглядеть в его глазах затаённую угрозу. Внутренне сжалась.

– Опасное для кого? Для меня или для вас?

Он хмыкнул. Повернулся снова. Чёртов сукин сын! Теперь в глазах была ещё и насмешка. Он и за человека-то меня не считал.

Неожиданно машина свернула. Мы остановились в такой темени, что, только он выключил фары, стало жутко. На колено мне опустилась горячая ладонь. Я судорожно отдёрнула ногу, сдвинула бёдра. Но это не помогло. Рука его заскользила выше, к краю скатерти.

– А ты сама как думаешь? – вкрадчиво спросил он, пробираясь под ткань всё выше.

Меня окатило паникой, холодом и жаром одновременно.

Вцепившись в ручку, попыталась открыть дверцу и услышала циничную усмешку. Впилась в его руку в попытке задержать и наткнулась на взгляд. Похоти в его глазах не было. Но как раз это пугало сильнее. Потому что я была мышью, он – удавом.

– Тебе не идёт жёлтый, он рванул скатерть. Кинул вниз.

– Вам что, девок вокруг мало?! – всё ещё пыталась остановить его, удержать. Он обхватил мою грудь и крепко сжал. Жёстко обвёл сосок.

– А зачем мне девки, если заплатил за тебя.

Я отрывисто задышала. Понимала, что в его власти. Хоть кричи, хоть сопротивляйся – не поможет. Рука его оказалась у меня между ног. Он с нажимом провёл по трусикам и схватил. Грубо, сильно.

– Не пытайся строить из себя равную мне, – выговорил, отпустив так же резко. – Ты и твой брат – мусор. Я могу трахнуть тебя, прикончить и отвезти на ближайшую свалку. Никто даже искать не будет.

Сердце чуть слышно колотилось у самого горла. Его лицо было сантиметрах в двадцати от моего, а ладонь лежала на бедре.

Вместо ответа с губ у меня сорвалось что-то жалкое и неразборчивое. Он опустил взгляд к моей груди. Поморщился и завёл двигатель.

Ни жива ни мертва я вжалась в угол сиденья. Болтавшаяся на коленке скатерть соскользнула к ногам. Надо было поднять её.

– Возьми пиджак, – словно прочитав мои мысли, бросил Герман. – На заднем сиденье.

Я не послушалась. Подняла тряпку и опять набросила на себя, чувствуя, как с промокшего края по голени потекла струйка грязной воды.

Настаивать он не стал. Это было отвратительно. Хотелось стереть её, только для этого надо было пошевелиться. А шевелиться я не решалась. Капля ползла всё ниже: по щиколотке, к стопе; холодная ткань прилипла к коже.

– Надо было накинуть твоему братцу пару сотен, – сворачивая во двор, выговорил Герман.

Герман Вишневский. Так было написано в бумагах. Но было там ещё кое-что, о чём я каким-то чудом додумалась умолчать.

Украдкой посмотрела на его руки, на широкие запястья, на чёткий профиль.

Он повернулся. Так внезапно, что я не успела притвориться, что не рассматривала его. Сердце опять подпрыгнуло. Само собой, я сдвинула вместе коленки.

– Хочешь, я скажу тебе, что сейчас будет? – от его голоса внутренности покрылись ледяной коркой.

– Не надо мне ничего говорить, – огрызнулась я.

Вышло по-детски.

У него дёрнулся уголок губ.

– Я всё-таки скажу, – он плавно остановил машину у чернеющего дырой вместо двери подъезда. – Сейчас ты поднимешься к себе. Возьмёшь всё, что должна взять, и вернёшься обратно. На это у тебя есть ровно пять минут. Если через пять минут тебя не будет, я тоже поднимусь. И мы поговорим ещё раз. Но разговор у нас будет уже другим, – он бросил взгляд на запястье. – Время пошло, Вероника.

– У меня нет ключей, – выдавила я. Их у меня действительно не было. Брат выволок меня из дома, не дав взять даже рюкзак.

На колени мне упала связка. Я недоверчиво посмотрела на неё. На Германа. Он кивком указал на дверь.

Я помедлила всего мгновение. Пять минут. Предполагать, каким может быть разговор в квартире, не хотелось. Тем более что в квартире…

Схватила ключи и стремглав вышла на улицу. Как была, босая, бегом бросилась к чёрной дыре. Несколько дней назад дверь ещё была, а потом куда-то делась. Ставить новую никто не спешил. Лампочки были выкручены уже давно. Не помню, когда тут был свет в последний раз.

Зная, что ничего не смогу разглядеть, я всё-таки оглянулась на машину. Увидела только нечёткие очертания. И демоническо-чёрные глаза. Нет. Не увидела, просто почувствовала, что он смотрит на меня. Сжала ключ в ладони и бросилась вверх по ступеням.

С трудом попав ключом в замочную скважину, я отворила дверь. Влетела в квартиру и, только оказавшись внутри, смогла выдохнуть. Чувства защищённости не было. Только одно – трезвое понимание, что я должна бежать. Стоит брату и его дружкам вернуться – мне конец.

Меня трясло от холода, от страха. Прокатившийся по подъезду грохот стал последней каплей. Задрожав, я прижала ладонь к губам и заскулила. Слёзы текли по лицу крупными каплями, и поделать с ними ничего не могла.

– Что теперь? – спросила в пустоту. – Господи…

Только я бросилась к комнате, дверь открылась.

– Вероника, это ты? – раздалось негромкое.

Обернулась на звук раздающихся из подъезда голосов. Показалось, что среди них слышу голос Леонида. Нет. Показалось. Наощупь нашла выключатель и ударила по нему.

– Давай, – зашептала судорожно, опускаясь перед потирающим глаза младшим братом на корточки. – Только тепло одевайся. Давай, Платон, – схватила его за

плечи.

– Почему на тебе это, – он нахмурился, пытаясь рассмотреть меня.

– Это неважно, – толкнула его обратно к комнате. – Быстро! Собирайся! Собирайся! – уже прикрикнула.

У меня не было ни денег, ни родных. Только два брата: старший, который сегодня продал меня, как последнюю шлюху, и младший, жизнь которого полностью зависела от меня.

У меня не было друзей, только приятели, не способные помочь. И дома у меня тоже не было. Больше нет. Потому что здесь оставаться мне было нельзя. И Платону тоже.

Залетев вслед за братом в спальню, схватила из шкафа первый попавшийся свитер, следом джинсы. Нашарила среди одежды мужской бумажник.

– Вероника, что с тобой? – Платон стоял рядом, задрав голову.

– Ничего, – быстро ответила я. – Ты оделся? Одевайся! Ты слышал, что я тебе сказала?!

– Ника…

– Одевайся! – вскрикнула нервно, на всхлипе. – Он наш единственный шанс.

Брат непонимающе хмурился. Я мотнула головой, всучила ему толстовку.

Герман Вишневский – наш единственный шанс. Герман и… прижала к груди бумажник. И то, что ему нужно от меня.

Глава 2

Герман

– Мелкая дрянь, – процедил я, подкуривая.

Отведённые девчонке пять минут истекли, а её до сих пор не было. Ни звука, ни намёка на движение. Если она решила снова обвести меня вокруг пальца, зря. Я не в том настроении, чтобы церемониться с ней.

Затянувшись, вгляделся в темноту. Различил звук, похожий на хлопок двери, и мрачно хмыкнул. Нет, всё-таки доля здравого смысла у пигалицы есть.

Оперевшись на внедорожник, я стал ждать, когда она появится. Ждать пришлось недолго.

– Где… – я было подался к ней.

Но не успел подойти, следом за ней из подъезда появился пацанёнок. Это ещё что за чертовщина?!

– Этого ты на хрена притащила?

Глаза девчонки враждебно сверкнули. Ладонь опустилась на плечо соплёныша. Вскинув голову, она решительно посмотрела на меня. Мне это не понравилось.

– За тем, что мы едем к тебе.

Не помню, чтобы мы переходили на «ты». Тем более не помню, чтобы я звал её в гости. Однако воинственность, с которой она смотрела, не оставляла сомнений в том, что понял её верно. Девчонка заняла оборонительную позицию. Я молча курил, сквозь дым рассматривая её скрытое тенью лицо. Отчётливо видны были только огромные глаза. Ещё в машине обратил внимание, что глаза у неё чуть ли не на половину хорошенького личика.

Она оказалась даже безрассуднее, чем я считал. Утро у меня не задалось с самого начала. Сперва подвела кофемашина, потом сорвалась важная встреча. Девчонка выбрала не лучший день для того, чтобы развести меня на деньги. Да

и чёрт бы с ними, с деньгами! В бумажнике, который она вытащила у меня на заправке, было кое-что поважнее. Полный бак обошёлся мне дороже, чем можно было рассчитывать. Улыбаясь, она заливала бензин. Я отошёл, чтобы расплатиться, а спустя пару часов понял, что бумажника нет. Девчонки на заправке к этому моменту тоже не было. Пришлось подключить кое-какие связи, чтобы найти её.

– Сейчас ты отдашь мне то, что тебе не принадлежит, девочка, – взял её за горловину свитера и подтянул к себе. – После этого я подумаю, что делать с тобой дальше.

– Нет, – она впилась пальцами в мою руку. – Я ничего не отдам.

– Нет? – её дерзость граничила с сумасбродством. Из-за этой дряни потерял целый день, и её выходки порядком начинали меня раздражать. Я подтянул её ближе и процедил: – Где бумажник, сука?

– Там, где ты его никогда не найдёшь.

От неё воняло бензином, но ещё сильнее – страхом. Мне был хорошо знаком этот запах, порой горький, порой отвратно кислый. Сейчас он был сладким, с ядовитыми нотками миндаля.

Рывок, и она впечаталась в меня. Ткань дешёвого свитера в пальцах напомнила мне о другой женщине. Ту тоже отличала дерзость и пылающий в карих глазах огонь. Когда-то он меня и привлёк. Чёрт! Мысли о прошлом резанули по старым шрамам.

– Мне терять нечего, Герман, – засипела она. Задрав голову, смотрела на меня снизу вверх, дыхание её касалось моего лица. – А вот тебе… – сделала многозначительную паузу.

Я стиснул зубы. Мне не послышалось: это ничтожество вздумало мне угрожать. И, что хуже всего, толика правды в её словах была.

– Где бумажник?

– Там, где ты его без меня никогда не найдёшь.

– Я тебя сейчас!.. – рванул с такой силой, что девчонка впечаталась в меня.

Желание сломать её тощую шею было почти непреодолимым. Удерживало только то, что она всё ещё не вернула мне моё.

– Не трогай её! – мальчишка напомнил о себе громким выкриком.

По ноге мне что-то садануло. Проклятье! Этот щенок у меня из головы выскочил.

– Не трогай мою сестру! – он ударил меня ещё раз. Наотмашь. Уши плюшевой собаки подпрыгнули и опустились. – Я тебя…я…

От гнева у мелкого раздувались ноздри. Брови сошлись на переносице.

Защитник убогих и обездоленных, мать его. Пришлось немного усмирить ярость.

– Ты хоть понимаешь, что я могу с тобой сделать, дрянь? – очень тихо осведомился я, обращаясь к его сестре.

– Только приблизительно, – её пальцы так и лежали на моей сжатой в кулак руке. – Зато я знаю, что сделает мой брат, когда вернётся. Так что выбор у меня не большой, Герман.

Чёрт! Секунда, две, три…

Я толкнул её от себя. Над этим дерьмом нужно было хорошенько подумать. Достал пачку и прикурил вторую сигарету.

Вероника ждала. Прижимая к себе игрушку, брат стоял с ней рядом. На плечах обоих были рюкзаки. Зажав сигарету зубами, я сдёрнул лямку с плеча белобрысой. Она попыталась было запротестовать, но, стоило ей наткнуться на мой предупреждающий взгляд, заткнулась. Поверить в то, что у неё хватило мозгов спрятать бумажник, было трудно. Больше это походило на блеф. Я перерыл всё, что было в её рюкзаке. Бабское тряпьё вперемешку с мелочовкой.

– Осторожнее! – она подняла с земли тряпку.

Не закрывая, я вернул ей рюкзак. Ничего из того, что мне было от неё нужно.

– Дай сюда, – заставил снять рюкзак её братца. Этот зафырчал мелким ёжиком, засопел. Девчонка наблюдала за мной.

Да чёрт возьми! В этом тоже один хлам.

– Я же сказала, – когда я закончил, она снова подала голос.

Лучше ей было молчать. Унявшийся дождь заморосил сильнее, ветер теребил её волосы, леденил пальцы. Единственное, что мог сделать здесь и сейчас, – прикончить её. И я был готов сделать это, если бы сперва получил то, что нужно.

– В машину, – приказал я. – Хочешь побывать у меня в гостях, так и быть. Только смотри, как бы пожалеть не пришлось.

– Пуганая уже, – дерзить она не перестала. Наоборот. – Не запугаешь.

Запугивать её не собирался. Бороться с шавками вроде неё интересно не было никогда. Привык иметь дела с рыбами покрупнее. Но ей об этом знать было не нужно. Не для того я бросил всё и обустроил себе нору в этом городе, чтобы светить прошлым. Совсем наоборот. Я сделал это, чтобы стереть его.

Квартира, на которую мне пришлось сменить оставшийся в прошлой жизни дом, находилась в, так называемом, элитном жилом комплексе. Как по мне, скопище обычных новостроек без претензий на роскошь. Но, судя по тому, как замялась у порога белобрысая девица, для неё высокие потолки в довершении к консьержу и отсутствию запаха мочи в лифте, было из ряда вон выходящим.

– Что встала? – зло спросил я, швырнув ключ на столик.

Мальчишка тоже притих. Только прижимал плюшевую псину к себе с видом, что кто-то собирается её у него отобрать.

– Ты давно приехал в наш город?

– Тебе какая разница?

– Никакой, – она поставила рюкзак в угол у двери и расстегнула куртку. – Просто я тебя раньше не видела.

Я убрал пальто в шкаф. Девчонка присела, сгорбив спину, и принялась расшнуровывать разбитые кроссовки. Свитер задрался, обнажив полоску светлой кожи на пояснице. Её брат зашевелился вслед за ней. Мало мне было геморроя, блядь.

– Не успела оценить, что ещё можно увести под шумок? Ты ко всем богатым мужикам города присматриваешься?

– Я на заправке работаю, – раздражённо ответила она. Их у нас всего пять.

– Больше ты там не работаешь.

На лице девицы отразилось непонимание. Я так и видел, как шевелятся её мозги. Верно поняла, девочка.

– Мне нужна эта работа, – кидаться она не стала, только смотрела волком.

– А мне нужно то, что ты взяла.

Она сжала губы. Ничего не ответила, стянула кроссовки и начала помогать раздеваться брату.

– Мне тут не нравится, – заявил соплёныш, когда она забрала у него куртейку.

– Мне тоже, – не пытаясь понизить голос, ответила она. – Но какое-то время нам придётся пожить тут.

– Какое время?

– Не знаю. Пока я не найду новую работу и не сниму нам квартиру.

– У тебя же есть работа, – он сам стал разуваться. Плюшевый пёс перекочевал в руки Вероники вместе с его рюкзаком. – Зачем тебе работа, если ты работаешь. Это Лёне нужна работа, а тебе…

– Потому что дядя Герман не хочет, чтобы я работала на заправке, – слова её предназначались брату, но повернулась она при этом ко мне. Вот же стерва. – Да, дядя Герман? А раз у меня нет работы, её придётся искать. Так что…

– Ты сейчас договоришься, – оборвал я.

Девица благоразумно промолчала. Брат дёрнул её за рукав свитера. Я краем глаза глянул на его ноги. Носков на нём не было, джинсы явно не по размеру висели мешком.

– Где ванная? – прервала молчание белобрысая.

Зазвонивший телефон не дал мне ответить. Кивком указав в конец коридора, я взял трубку и ушёл в кабинет. Оставалось надеяться, что Вероника за это время не решит присвоить себе ещё что-нибудь. Хотя, если она это сделает, вернёт всё с процентами. Так и так вернёт.

К тому моменту, когда я закончил разговор, девчонка успела освоиться в кухне. Перед её забравшимся на диван братом стояла чашка с чаем, сама она шарила в кухонном шкафу. Заметив меня, опасливо вздрогнула и буквально тут же напустила на себя наглый вид. Всё с тобой ясно, девочка.

– Речь у нас с тобой шла только о крыше над головой, – подойдя, забрал у неё из рук коробку с овсяными галетами. Достал один и надкусил. Поставил на угол раковины. – О том, что ты сядешь мне на шею, разговора не шло. Так что давай, – взглядом указал на косящегося на нас пацанёнка. – Чтобы я ни тебя, ни его тут не видел.

Крылья её носа гневно затрепетали. Глядя в глаза, я снова хрустнул галетом. Пойму, куда она дела то, что прикарманила, душу вытрясу. Но пока мне нужно было держать себя в руках. Кто знает, что может прийти ей в голову.

– Ника, ты обещала, что мы поедим, – заканючил малец.

Его сестрица посмотрела мне в глаза. Судя по всему, она решила, что вид её растрёпанного братца должен меня разжалобить. Я молча показал ей на дверь.

– Мне нужно накормить Платона, – чуть ли не шипя, процедила она. – Я отдам тебе деньги за еду.

Протянув руку, взял её за подбородок. Только она попыталась отвернуться, сжал крепче. Второй рукой ухватил её за пояс джинсов. Держал, рассматривая её лицо пристально, внимательно, вглядывался в дымчато-серые глаза. Н-да, глаза у неё действительно огромные. Этим они с младшим братом похожи.

– Что ты сделаешь? – поинтересовался вкрадчиво. – Отдашь мне деньги? Ты мне отдашь деньги? – отделяя каждое слово.

Она опять попыталась вырваться. Не пустил. Малец зашуршал на диване, чем нарушил тишину. Но в его сторону я даже не взглянул.

Постепенно до Вероники начало доходить, что здесь она на моей территории, и правила устанавливать никто ей не даст. Что с ней делать, я ещё не решил. Задачи передо мной на ближайшие дни стояли совсем другие. Оставшиеся от прошлой жизни хвосты могли порядком мне навредить. Как бы я ни пытался обрубить всё, сделать это было непросто.

– Хорошо, – она занервничала сильнее. – Что ты хочешь?

Это она спросила зря. Я даже презрительно усмехнулся. Пацанёнок снова заканючил, подвинул чашку, царапая звуком нервы.

Кожа у девчонки была мягкая. Сам не зная зачем, я погладил её по скуле, тыльной стороной пальцев по шее. В штанах неожиданно стало теснее. Проклятье! Пора было снять шлюху. Отодрать, сунуть пару зелёных и выставить за дверь. Никаких проблем.

Веронику больше не держал, но попыток отступить она не делала.

– К утру приведи кухню в порядок, – подумав, сказал я. Как раз собирался вызвать клининг. – Ванную с туалетом тоже. И… – сгрёб её волосы. – Собери их. Ненавижу, когда по дому что-то летает. Хоть один волос попадётся, отрежу – пикнуть не успеешь.

– Ублюдок, – выплюнула она сквозь зубы.

– Ещё какой, – взял пачку галет и вернул ей. Показал на стол. – Можешь сделать себе чай. И да… Чтобы к завтраку на столе были оладьи. Давно не ел их. Знаешь… что-то так захотелось, – в последний раз провёл пальцами по её скуле и легонько похлопал по щеке.

Взял из холодильника бутылку ряженки. Девчонка гневно сжимала в пальцах коробку, мальчик, поджав губы, наблюдал за мной.

– Время терять я тебе не советую, – показал на часы. Было начало третьего ночи. – Я встаю в шесть. Чтобы к этому времени всё было готово.

Глава 3

Вероника

Выжатая как лимон, я смотрела на спящего брата и думала, что делать дальше. Сколько я смогу блефовать? Срочно нужно найти работу, только вот в нашем городишке даже место за кассой было сродни восьмому чуду света.

Услышав в глубине квартиры шум воды, я посмотрела на пересечённой давнишней трещиной дисплей телефона. Три минуты седьмого.

– Псих грёбаный, – шепнула себе под нос.

Платон вздохнул во сне. В отличие от меня он крепко спал уже несколько часов. Весь остаток ночи я провела, надраивая полы и стоя у плиты, чтобы успеть

вовремя.

– Если бы вы только были живы… – прошептала я, не сводя с брата взгляда.

Он был точной копией отца. Тот же разрез глаз, та же улыбка. Почему-то папу я помнила лучше, чем маму. Но какое это теперь имело значение? Родителей нет. Всё, что у меня осталось, – Платон. И я должна сделать так, чтобы с ним всё было в порядке.

Выйдя в коридор, я наткнулась на Германа.

– Ты что делаешь? – хотела выхватить у него шарф. Вся моя одежда валялась на полу рядом с мусорными пакетами.

Герман жёстко перехватил мою руку за локоть.

– Это мои вещи!

– От твоих вещей прёт бензином, – шарф полетел к остальному.

– И что? Других у меня нет!

– Это уже не мои проблемы. Выбирай: либо ты остаёшься со своими тряпками по ту сторону двери, либо без них тут.

Он понимал, что деваться мне некуда.

– У меня нет других вещей, – повторила в бессильной злости.

Ответом он меня не удостоил. Толкнул от себя к входной двери. Я запнулась о собственную куртку. Ударилась локтем и поморщилась. После моего фееричного падения на стол в клубе на руке выступил синяк размером с ладонь. Даже сгибать её было больно.

– Я всё постираю! – крикнула Герману в спину.

Его чёрные волосы были влажными, под бронзовой кожей перекатывались мышцы, на правом плече красовалась татуировка, разглядеть которую я не смогла. В воздухе остался запах свежести и мужского шампуня.

– Ты меня слышал?! – сбросив оцепенение, догнала его и схватила за руку.

Он остановился. Резко посмотрел на меня, и пальцы мои сами собой разжались. Инстинктивно сделала шаг назад.

– Я всё постираю, – выдавила снова.

Герман пренебрежительно скривил уголок губ и, ничего не ответив, прошёл в кухню. Включил кофемашину. Я плелась следом за ним, не зная, что говорить и делать.

– Я всё помыла, – нервно заговорила. Рядом с ним самообладание таяло льдинкой на солнце. – Почистила ванную и…

– Я не слепой, – грубо оборвал он меня.

Под его пригвождающим взглядом почувствовала себя жалкой. Жалкой стала даже моя злость. Грудь его покрывали колечки волос, вниз от пупка уходила тёмная шелковистая дорожка. Медленно подняла глаза обратно к его лицу. Он не усмехался. Ни малейшего намёка на усмешку, только чёрная пожирающая тьма в глазах.

– Если хочешь, можешь позавтракать со мной, – сдержанно сказал он.

Я кивнула. Беря из сушилки чашку, заметила, что у меня дрожат пальцы.

Неожиданно Герман подошёл совсем близко. Встал прямо позади. Чашка выскользнула из рук и, со звоном упав в раковину, разлетелась на осколки.

– И это ты тоже отработаешь, девочка, – его ладонь легла на моё бедро. Двумя пальцами он провёл к ягодице, потом обратно. Вжав в раковину, поднял руку выше. Я подалась было вбок и тут же оказалась в капкане.

– Ты на что рассчитывала? – его голос зазвучал прямо над ухом. Тихий, вкрадчивый. – Что будет, как ты себе придумала, Ника? Не будет. Будет так, как скажу я.

Я проглотила вставший в горле ком. Снова попыталась вывернуться. Он прижался, и его затвердевший член упёрся в меня. Коленки задрожали, воздуха перестало хватать. Склонившись, Герман провёл носом по ушной раковине и шумно втянул воздух. Ещё секунда, и его руки исчезли. Я вцепилась в край раковины, боясь, что, если отойду хоть на шаг, упаду.

– Накрывай на стол.

Он держал в руках чашку с кофе. Поднёс ко рту, сделал глоток.

Ни намёка на то, что было только что. Разве что выпирающий в районе паха бугор, не имеющий никакого отношения конкретно ко мне. Это было понятно по равнодушному, почти что скучающему выражению его лица.

Меня же потряхивало. На автомате вытащила две тарелки, взяла новую чашку. Взгляд наткнулся на осколки.

– Сколько ты отдал моему брату? – не узнала собственный голос.

– Это имеет значение?

– Имеет. Я всё тебе отдам.

Он зловеще усмехнулся.

– Попробуй.

– Я всё тебе отдам! – чуть повысила голос. – Сколько?

– Твоему брату – пятнадцать тысяч. Хотя… Шестнадцать, – усмешка осталась только на кончиках дьявольски изогнутых губ.

Шестнадцать тысяч. Для меня это были большие деньги. После смерти родителей на нас с Платоном платилось пособие, но ни копейки из него я не видела. Всё как опекун забирал Лёня.

– Я отдам тебе эти шестнадцать тысяч, – немного пришла я в себя. Решительно взяла блюдо с оладьями и, поставив на стол, прямо посмотрела на Германа. – Не думай, что меня можно купить. Твои шестнадцать тысяч…

– Тридцать две.

Я осеклась. Он снова поднёс чашку к губам.

– За ночь набежали проценты, Ника.

– Какие ещё проценты?! – ощущение было, что меня швырнули в бассейн с колотым льдом.

– Каждый день сумма будет увеличиваться вдвое. Завтра твои тридцать две тысячи превратятся в шестьдесят четыре. Послезавтра в сто двадцать восемь.

Я схватила ртом воздух. В голове зашумело. Герман снял с блюда крышку и, сложив верхний оладушек пополам, обмакнул в пиалу со сгущённым молоком. Присел на подоконник.

– Ты думала, поймала меня на крючок? Нет, Вероника.

Жмурясь, он откусил оладушек. У меня земля уходила из-под ног. Доев, он вернулся к столу и взял ещё один. Опять макнул в сгущёнку.

– Но пока у тебя есть выбор, – провёл по моим губам сладким, ещё тёплым тестом. Я сразу же почувствовала вкус сгущённого молока. Невольно облизнула губы. В чёрных глазах сверкнула молния. – Ты отдаёшь мне бумажник – я снижаю ставку. – опять по моим губам. – Это твой единственный выход.

Огромным усилием заставила себя отвернуться. Поставила одну тарелку напротив дивана, вторую – с другой стороны стола. Герман стоял рядом, и это нервировало. Единственный выход… Только выходом это не было. Нет у меня

выбора. И выхода нет, даже единственного.

– Приятного аппетита, – положила на его тарелку несколько оладий. Три – на свою. Он хмыкнул и, больше ничего не сказав, сел за стол, а я подошла к кофемашине. Глоток чёрного горького, чтобы прогнать дрожь. Только поможет ли? Скорее всего, нет. Тем более пока он смотрит на меня.

– Почему ты сидишь на полу?

Голос брата заставил меня отвлечься от наблюдения за болтающейся в барабане стиральной машины куртки. И от мрачных мыслей тоже. Не ответив на вопрос, я подозвала Платона. Хмурый со сна, он посмотрел на меня с подозрительностью.

– Да иди, – улыбнулась я. – Или что, боишься покусаю?

Он замялся. Буркнул что-то себе под нос. Пришлось встать с мягкого коврика и подойти самой.

– Мне в туалет нужно, – признался брат.

Если уж мне в этой похожей на хоромы квартире было не по себе, что говорить про него. Квадратный метр тут стоил, наверное, дороже, чем вся наша двушка.

Подбадривающе улыбнувшись мелкому, я развернула его за плечи и подтолкнула к выходу.

– Сам дальше справишься? – спросила, включив в туалете свет.

Платон утвердительно кивнул.

Когда родителей не стало, ему было чуть больше года, мне – тринадцать. С раннего детства он привык быть самостоятельным, так что сомневаться в нём не приходилось.

Поставив греться чайник, я сунулась в холодильник.

– Тут как в магазине, – подошедший Платон задрал голову. – Ника, разве так дома бывает?

Достав лоток с клубникой, я вручила его Платону. Достала молоко и варёную колбасу.

– Бывает, – ответила со вздохом.

Хлопнула дверцей и, забрав у брата ягоды, отправила его в ванную чистить зубы. Сама тем временем по второму разу накрыла на стол, собираясь позавтракать и сама. Уже нормально, потому что вместе с Германом сделать этого у меня не вышло. Заставила себя только кофе выпить, к еде даже не притронулась.

Куда спозаранку уехал Герман я не знала. Наш город живостью не отличался, а в воскресное утро так и вовсе был похож на мертвеца. Более или менее приличные магазины и те работали с десяти. Хотя я глубоко сомневалась, что наш торговый центр устроил бы мужчину, на пиджаке которого красуется бирка знаменитого модного дома. И вряд ли это сшитый в подвале левак.

Обгрызая клубничину, я с содроганием и непонятным волнением вспоминала прикосновения больших ладоней. В голову против воли закралась предательская мысль «а что, если». Перспектива стать любовницей Вишневского только сперва показалась отвратительной. Чем больше я об этом думала, тем горше становилось осознание, что так брат хотя бы на какое-то время будет в безопасности.

– Это всё мне? – умывшийся и расчесавшийся без напоминания, Платошка таращился на стол.

Я кивнула. Подвинула к нему пиалу с клубникой и сама взяла ещё несколько ягод. Налила ему чай, себе – кофе. Добавила капельку кокосовых сливок. Подумала и долила до самых краёв.

– Хочешь сыр, – снова открыла холодильник. – Или, – достала странный на вид окорок. Обсыпка у него была чёрная, с семенами. – Такую штуку хочешь? – показала брату. – А ещё знаешь, что есть… – вытащила сыр с голубой плесенью и отрезала кусочек. – Дорблю. Ты такой никогда не ел.

– А ты ела? – он придвинул к себе доску с кусочком.

– Да, но очень давно.

– Воняет, – принюхавшись, скривился Платон.

– Сам ты воняешь, – забрала у него из-под носа сыр. – Жуй свои оладьи.

Усевшись напротив брата, я отхлебнула кофе. Из ванной донёсся писк закончившей стирку машинки. Даже этот писк был дорогим. Мягким, приятным. В этом доме и вещи-то боятся лишний раз побеспокоить хозяина. Мало ли…

Разделавшись с оладушком, брат облизал пальцы. Пару минут назад сгущёнки в пиалке было чуть ли не до половины – теперь осталось на самом донышке. Он принялся собирать её ложкой. Спасибо хоть, что не языком.

– У тебя попа не слипнется?

Брат замотал головой. Волосы у него были тёмно-каштановые, как у отца, которого он не помнил. Мне досталось хотя бы что-то, ему – ничего. Разрезав кусок сыра на кубики, я дотронулась пальцами до самого большого и опять посмотрела на брата.

– Ты грустная, – поймав мой взгляд, выдал он. – Ник… Ты грустная, потому что боишься, что Лёня придёт?

– Лёня не придёт, – решительно заявила я. – Да и если придёт… Почему я должна быть грустная из-за Лёни?

Пытаясь скрыть от него настоящие эмоции, я включила телевизор. Огромную плазму, занимавшую добрую часть стены над столом. Кухня-гостиная, где мы сидели, была метров тридцать, из большого окна открывался вид на единственную часть города, смотреть на которую можно было без слёз. Мой старший брат не посмеет сунуться сюда.

Несколько раз я щёлкнула, переключая каналы.

– Я слышал, как он кричал на тебя. И как обзывал, тоже слышал. Он тебя дурой назвал. А ещё потаску…

– Хватит, Платон! – швырнула пульт на стол.

Канал переключился сам собой, из невидимых, встроенных по углам динамиков донеслась музыка. Брат притих. Я тоже взяла себя в руки.

– Не надо повторять то, что говорит Лёня. Если ты будешь это повторять, станешь таким же, как он. Ты этого хочешь?

Платон насупился. Мотнул головой.

– Ну вот и всё. Ешь давай, – подала ему кусочек сыра. – Попробуй. И не кривись.

– Я не хочу, – запротестовал он.

Я всё-таки положила сыр на край его тарелки.

По телевизору шёл повтор чемпионата мира по фигурному катанию. Выступали мужчины, и я засмотрелась на экран. Вздохнула и выключила звук.

– Папа очень любил этот сыр, – зачем-то сказала. – Когда он первый раз дал мне его попробовать, мне не понравилось. А потом…

Брат слушал меня, не понимая, чего от него хочу. Да я и сама не понимала. Но к горлу подступили слёзы. Вчерашнее унижение, страх, усталость сплелись в одно. К тому же, меня немного знобило.

– Ты на папу очень похож, – просто сказала я. – Очень похож, Платон. Жалко, что ты его не помнишь.

Чтобы понять меня, он был ещё слишком маленьким. И всё-таки знала, что он пытается. Когда он с опаской понюхал кубик сыра, улыбнулась.

– Невкусно, – откусил немного и отложил.

– Ты просто ещё слишком мелкий, – забрав остатки, доела сама. – Сопля она и в Африке сопля.

– Я не сопля!

– Ещё какая сопля, – его искреннее возмущение опять вызвало у меня улыбку. Тоже искреннюю. Вернув звук, я убавила его так, что он стал просто фоном. Под красивую, сплетённую из переливов клавиш, скрипки и почти незаметных ударных музыку, показывал свою программу спортсмен из Китая. Если бы жизнь сложилась по-другому, я, может быть, тоже каталась бы на этом чемпионате. Ладно, не на чемпионате – просто на каких-нибудь незначительных внутрироссийских соревнованиях.

– Я когда-нибудь говорила тебе, что папа был тренером по фигурному катанию?

– Нет.

– Наш папа был хорошим тренером. Он… он вообще был хорошим.

– А мама?

– И мама была хорошая, – глухо отозвалась. – Самая лучшая, – встала и обняла брата. Прижала к себе, прикрыла глаза, а, открыв, устремила взгляд на экран.

Из коридора раздался шум. Пришлось разжать руки.

Только успела сделать это, дверь хлопнула. Не прошло и нескольких секунд, как в кухне появился Герман. Посмотрел на плазму, на стол и остановил взгляд на мне. То ли он был зол, то ли раздосадован, то ли, как всегда, не в настроении.

Я, было, хотела съязвить по этому поводу. Но вспомнила то, о чём думала недавно. За спиной у меня пил чай и ел оладьи Платон. По телевизору напоминанием об отце шёл чемпионат мира.

– Сделать тебе кофе? – примирительно спросила Германа.

Он мой единственный шанс. Наш единственный шанс. И что бы ни случилось, я не должна об этом забывать.

Глава 4

Вероника

День я провела, стараясь не думать о том, что будет дальше. И дальше это не имело ничего общего с будущим в глобальном его понимании. Только с тем, что ждало меня в ближайшие часы, а именно ночью.

– Я хочу, чтобы наступило лето, – засыпая, сказал Платон. – Оно ведь уже скоро, правда, Ника?

Я погладила брата по голове.

– Скоро. Вслед за весной всегда приходит лето, – повернулась к занавешенному плотными шторами окну.

Да, за весной всегда приходит лето, за вечером – ночь. И этой ночью я собиралась сделать то, от чего как раз могло зависеть будущее.

Как только брат уснул, выключила светильник в отведённой нам гостевой и плотно закрыла дверь. Германа не было весь день. Вернувшись ненадолго, он снова уехал и приехал уже поздним вечером. Это и к лучшему: так у меня было время всё как следует обдумать и решить.

– Ты занят? – спросила, переступив порог его спальни.

На нём всё ещё были рубашка и брюки. Только пиджак лежал на краю широкой постели.

Не дождавшись ответа, я прошла в комнату и остановилась в полуметре от Германа.

– Чего хотела? – грубо спросил он.

Я проглотила и грубость, и его откровенное нежелание моего общества. Поправила распущенные волосы. Надетая на мне футболка едва ли предназначалась для соблазнения зажравшихся сволочей вроде него, но лучше у меня ничего не было.

– Я подумала, – сделала крохотный шаг и оказалась к нему почти вплотную. – Подумала, что, может быть… – дотронулась до рубашки кончиками пальцев.

Меня колотило от собственной смелости. Проведя пальцами вдоль ряда пуговиц, задержала ладонь на животе Германа.

Его тяжёлый взгляд остановился на лице. Смотрела на Германа всего несколько секунд, а потом поднялась на носочки и, скользнув ладонями по его плечам, обхватила за шею. Запах дорогого мужчины вскружил голову, сердце билось так сильно, что он наверняка чувствовал это.

– Если уж ты меня купил… – шепнула перед тем, как коснуться губами его губ.

Что толку строить из себя недотрогу? Для кого мне беречь себя? Если бы не Герман, прошлым вечером я пошла бы по рукам. Дружки старшего брата разодрали бы меня на части, трахали бы, как дворовую девку, пока им бы не надоело. А потом… Что было бы со мной потом? Потом не было бы ничего. Потому что вряд ли от меня осталось бы хоть что-то прежнее. Герман – красивый, опытный, и, что, самое главное, может защитить нас. Если уж мне суждено было уйти с, так называемого, аукциона, то пусть первым моим мужчиной будет он.

Губы Германа были жёсткими. Коснувшись его волос у линии роста, прижалась всем телом. Он и сам был каменным, как гранит. Секунды тянулись, но он и не думал отвечать. Вспышка смелости сменялась отчаянием. Дотронулась языком, потёрлась бёдрами. Снова языком по нижней губе.

– Если бы мне нужна была девка, – вдруг схватил меня за волосы. Дёрнул назад, сжимая пряди так, что у меня перехватило дыхание, – я бы снял толковую шлюху.

Говорил он тихо, но ощущение было, что голос громыхал.

Я вцепилась в его руку в попытке освободить волосы. Вскрикнула, когда он не то что не отпустил – намотал на ладонь и заставил меня задрать голову.

– Пусти, – тщетно пыталась освободиться. – Мне больно.

– Больно? Ты не знаешь, что такое больно, девочка.

– Пусти, – уцепилась за его рукав.

– Только что ты хотела другого, – циничная усмешка.

Он отпустил. Не отпустил – отшвырнул меня от себя.

По инерции пролетев пару метров, упала на постель. Прямо на его пиджак. Лежала и, сбивчиво дыша, смотрела, как он надвигается на меня. Сглотнула и отодвинулась назад. Взглядом Герман прошёлся по мне от шеи до бёдер. С показавшейся мне садистской издёвкой расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

– Что ты делаешь? – выдавила через силу.

От первой перешёл ко второй. Сняв часы, положил на подоконник и взялся за манжету.

– Ты зачем пришла? – голос был пропитан презрением.

Под взглядом Германа почувствовала себя не просто девкой – грязным ничтожеством. Даже на самых дешёвых шлюх дальнобойщики смотрели, наверное, не так.

Ещё несколько минут назад я готова была быть с ним, сейчас один его вид вызывал страх. Но и отвести глаз не могла. Сглотнула, когда он оказался рядом. Отодвинулась дальше. Одеяло под спиной скомкалось, проволочившийся за мной дизайнерский пиджак, скорее всего, измялся. Герман стоял надо мной, а я думала о том, что под задницей у меня дорогущий пиджак, что нужно убрать его. И ещё, что главное, не напугать Платона. Страх затягивался на шее петлёй. В окне отражался свет лампы и силуэт мужчины, по сравнению с которым я была пустым местом.

– Так зачем ты пришла, Вероника? – повторил он ещё тише, чем раньше.

Я не смогла выдавить и слова. Язык распух и прилип к нёбу.

– За этим, – опустил ладонь мне на ногу.

Повёл от колена выше по внутренней стороне бедра. Смотрел прямо в глаза до тех пор, пока пальцы не оказались у меня между ног. Провёл с нажимом. Я испуганно сдвинула бёдра, и в уголках его губ появилась призванная унизить усмешка. Коршуном глядя мне в глаза, провёл по завязанному бантом шнурку моих штанов. Двумя пальцами, надавливая, по шву между ног. Я не дышала. Не шевелилась, прикованная его взглядом к постели.

– Пошла вон, – вдруг процедил сквозь зубы. – Пошла отсюда, – дёрнул за шнурок и отпустил.

Секунды мне хватило, чтобы слететь с постели. Герман цепко следил за мной. Я налетела на косяк, ухватилась за него.

– Учти, – пока я, дезориентированная, искала выход из комнаты, заговорил он холодно, сдержанно, с леденящей кровь яростью, – в следующий раз ты получишь своё. И трахать я тебя буду, как течную суку. Десять раз подумай, прежде чем лезть ко мне в постель. Меня не интересуют дешёвые шалашовки вроде тебя, Вероника.

– Я не… – его слова хлестнули внутренним протестом. Но предупреждающий взгляд быстро заставил меня заткнуться.

– Пошла вон, – повторил он в третий раз.

Я не пошевелилась. И, только когда его губа по-звериному дрогнула, когда он сделал шаг ко мне, поняла: надо бежать.

Глотнула воздух и метнулась в коридор. Думала, он догонит меня и прикончит. И, только когда за спиной хлопнула дверь, а пятно света из спальни исчезло, остановилась.

Рыдания рвались из груди вместе с истеричным смехом. Прикончит? Идиотка! Зайдя в ванную, сунула руки под холодную воду. Намочила и прижала к щекам, стёрла слёзы. Зачем ему приканчивать меня, если дураку ясно: достаточно выставить на улицу – сдохну сама. Только какой ему толк от меня мёртвой, если он ещё не получил то, что ему нужно? Да и к чему пачкать руки, когда, чтобы заставить меня бояться, ему достаточно взгляда и нескольких сказанных тихим, предупреждающим голосом слов?

– Никуша, – тихо позвал меня Платон, заёрзав под боком.

– М-м?

– Почему ты не спишь?

– А ты почему не спишь? – спросила я в ответ и подтянула одеяло выше.

С детства папа приучил меня оставлять окно на ночь приоткрытым. Говорил, что спать лучше, когда прохладно. Сейчас оно было закрыты наглухо, а согреться всё равно не выходило.

Брат опять заёрзал. Поспать мне удалось совсем недолго. Только провалилась в сон, воображение начало закидывать меня хаотичными картинками, центральным персонажем которых была я сама. Понимая, что это сон, всё равно никак не могла отделаться от них. Насмешливо скалящийся старший брат, отец, жестом приглашающий меня на лёд. В какой-то момент вдруг поняла, что стою перед заполненными трибунами, готовая представить свою программу на чемпионате мира. Только программы у меня нет. И платья у меня нет: футболка и домашние штаны с болтающимся шнурком. Повернулась к борту, чтобы

сказать отцу, что не могу кататься. Но отца не было. Зато был он – мужчина, от взгляда которого мне стало холодно и жарко одновременно. В этот момент я распахнула глаза и больше уже уснуть не пыталась. Знала – бесполезно.

– Так почему ты не спишь? – снова спросила брата.

– Ты горячая, – он окончательно высвободился из моих рук.

Без него стало ещё холоднее. Похоже, босоногая прогулка под водяной пылью не прошла для меня бесследно. Брат дотянулся до моего лба маленькой ладошкой. Как будто мог что-то понять.

– И? – тихонько усмехнулась, поймав его ручонку.

– Ты так делаешь, когда говоришь, что я горячий, – сумничал он.

На сердце стало светло и одновременно грустно. В свои шесть Платон заботился обо мне со всей детской искренностью. Каждый раз, когда Лёня начинал придираться или пытался поднять на меня руку, он бросался мне на защиту. А я… Я даже не смогла добиться внимания мужчины, покровительство которого значительно облегчило бы нам жизнь, пусть и ненадолго. И что из того, что от его взгляда у меня мурашки по коже? Полезла к нему, как…

– Ника, – брат усердно потеребил меня за рукав. Пришлось дотянуться до тумбочки и включить свет. – Ты заболела?

– Ничего я не заболела, – ответила с раздражением, о котором сразу же пожалела. Платон уж точно ни в чём не виноват. – Спи, – я снова щёлкнула выключателем. Посмотрела на брата, похожего на всклокоченного воробья. Дальше мне нужно быть умнее.

Услышала, как он со вздохом устраивается в постели, а сама встала. Приложила ладонь ко лбу, но понять, есть температура или нет, не смогла. Мама всегда понимала это с первого раза. Папа – нет, а мама – всегда. От неё мне достался цвет волос и маленькое родимое пятно на ягодице. Только и всего. Ни её врождённой утончённости, ни умения находить выход в безвыходных, казалось бы, ситуациях, ни мудрости. Пятно в форме сердечка на жопе и длинные белые

патлы.

Выйдя на кухню, я налила стакан прохладной воды и встала у окна. Опять прижала руку ко лбу.

– Привыкла к ночной жизни? – вкрадчиво прозвучало прямо над ухом.

От неожиданности и испуга я вздрогнула, вода расплескалась по подоконнику, по руке. Сердце чуть не выпрыгнуло.

Я бы могла поклясться, что секунду назад Германа тут не было. Не было даже его отражения в стекле. Или, может, он из тех, кто ни в стёклах, ни в зеркалах не отражается и тени тоже не отбрасывает?!

– На себя посмотри, – огрызнулась я.

Хотела было уйти, но он придержал меня за локоть. Между нами были считанные миллиметры, и я чувствовала исходящее от него тепло. Может быть, это не у меня температура, а у него? Он дотронулся до моего лица, и я отклонилась. Стоящий на подоконнике стакан повалился на бок, вода струйкой потекла вниз. Ударяющиеся о пол капли застучали вначале быстро, потом медленно. Герман убрал волосы от моего виска, ото лба.

– Нужно померить температуру.

Внезапно до меня дошло, что он прижимает пальцы тыльной стороной к моему лбу. Его бёдра соприкасались с моими, пах был твёрдым, а пальцы касались лица с издевательской нежностью.

Я сглотнула, начисто перестав понимать, что происходит.

– Волосы, – теперь он самыми кончиками разгладил несколько локонов.

– Волосы? – эхом повторила я, с трудом разобрав свой голос через шум в ушах.

Он поглаживал меня. Одной рукой по талии, по бедренной косточке, второй перебирал прядки. Пах стал ещё твёрже. Меня знобило всё сильнее, но вместе с

этим было жарко. Как во сне, когда я стояла на льду перед заполненными трибунами и смотрела на него. Его отражения в стекле не увидела, зато сейчас в глазах Германа отражалась ночная темнота.

– Я предупреждал тебя про волосы, – провёл по подоконнику рядом со мной.

Кое-как я заставила себя взглянуть на его руку. Между его пальцев был длинный светлый волос. Метнула взгляд к лицу Германа.

– Предупреждал?

Предупреждал. Оцепенение, охватившее меня, граничило с первородным и противоестественным ужасом. Разумом понимая, что он просто играет у меня на нервах, не могла отделаться от этого леденящего ощущения. А что, если не играет?

Ничего больше не сказав, он подошёл к раковине. Тщательно вымыл руки. И снова не могла заставить себя сдвинуться с места. Герман выдвинул ящик столешницы. Слух резанул звон столовых приборов. В свете кухонной лампы блеснуло широкое лезвие ножа.

Я вжалась в подоконник так сильно, что угол врезался в поясницу. Под ладонью хлюпнула вода. Герман взвесил нож в руке, едва заметно усмехнулся, и блеск отразился в его глазах.

– Ты что…

Он сделал шаг в мою сторону. Я от него. Наткнулась на стул.

– Бывает иногда, – открыл он холодильник. – Никак не могу уснуть без хорошего куска мяса,

Достал кусок запечённой говядины. Прошёлся по мне взглядом. Губы дрогнули в усмешке. Подойдя к столу, положил на него и мясо, и нож. Острый стальной кончик коснулся моего бедра. Герман включил телевизор. Я молчала, не зная, что говорить и стоит ли говорить.

– Дай мне хлеб, – приказал он.

По телевизору шёл ночной выпуск новостей. Всё то же, что было в вечернем. Стараясь больше не смотреть на нож, достала из бумажного пакета ржаной, присыпанный семечками хлеб и подала Герману.

Кончики наших пальцев соприкоснулись, и я поспешно отдёрнула руку. Его новая усмешка вызвала гнев и желание оказаться подальше от этого мужчины. Почему из всех навороченных тачек, транзитом проезжающих через нашу заправку, я выбрала именно его? Почему?! С другой стороны, если бы этого не случилось… Да, если бы этого не случилось, может быть, меня бы уже не было в живых.

Вздохнув, я заправила за ухо волосы. Завтра же найду резинку. Никогда больше не показываться ему на глаза с распущенными волосами. Никогда!

«Срочное сообщение», – появившаяся на экране корреспондентка заставила меня прислушаться.

Позади девушки была заградительная лента, темноту рассеивал свет фар полицейских машин и больших фонарей.

«Около двух часов назад примерно в километре от города было найдено тело…» – продолжала журналистка.

Герман отхватил кусок мяса. Сообщение не то что не отбило у него аппетит – он даже не отреагировал на него. Я поёжилась.

«Это уже третье убийство за последний месяц, – продолжала девушка на экране. – Детали пока не известны. Предположительно, погибшая – пропавшая три дня назад девятнадцатилетняя Ирина Комарова. Напомним, что девушка ушла из дома и…»

– Что застыла? – разрезав хлеб на несколько ломтей, Герман положил на него ещё один кусок мяса. Развернулся на стуле, широко расставил ноги.

Я так и смотрела на экран. Когда убили первую девушку, город загудел. После второго убийства люди стали настороженнее. Но третье…

– Как ты можешь есть, когда такие вещи, – не найдя слов, я просто показала на телевизор.

Герман равнодушно проследил мой жест. Откинулся на спинку стула.

– Ночные жительницы часто плохо заканчивают, – прожевав кусок, сказал он.

Констатация, не более. На этом тема для него, очевидно, была исчерпана.

– Возьми в коробке градусник, – очередной приказ. – И приготовь чай. Мясо всухомятку так себе. Даже если оно сочное, – и опять он прошёлся по мне взглядом. Как будто слова его относились совсем не к мясу. Или к мясу, это как посмотреть.

Глава 5

Вероника

– Я Альму не взял, – брат потянул меня к двери, в которую мы только что зашли.

Опомнился, называется! Стало интересно, о чём он думал раньше.

– Ничего страшного, – торопливо расстегнула его куртку. Раздевалка была уже пустой. Обычно приводила Платона в сад одним из первых, сегодня же мы опоздали так, как не опаздывали ни разу до этого. До ближайшей автобусной остановки идти пришлось минут двадцать. Мне нужно было подумать об этом заранее. К чему автобусы тем, у кого на паркинге стоит машина, а то и не одна. В крайнем случае такси.

– Я послежу за ней, – пообещала брату, когда тот снова попробовал было напомнить об оставленной игрушке. – Не волнуйся. Ничего с ней не случится.

Убрав вещи в шкафчик, я всучила брату рюкзак. Проводила до группы и, передав в руки воспитательницы, вышла во двор.

Воздух был прохладным. Обмотав вокруг шеи выстиранный накануне шарф, я сделала вдох. Пахло свежестью и… Германом. Дорогой запах дорогого мужчины. Горло першило, но я давно научилась не обращать внимание на такие мелочи. Шмыгнула носом и дошла до калитки, но, стоило открыть её, захотелось броситься обратно.

– Доброе утро, – затянувшись в последний раз, Лёня швырнул окурок под ноги. – Что-то ты неважно выглядишь. Папик укатал?

Усмешка его была такой мерзкой, что мне не хотелось отвечать даже колкостью. Да и что я могла ответить? Что он тварь? Что ему должно быть стыдно перед родителями? Желание было одно – никогда больше не видеть его, забыть о нём и о том, что он сделал, как о страшном сне.

Посмотрев ему в лицо, попыталась пройти мимо. Он схватил меня за плечо и рванул на себя.

– Ты, сука, молчать будешь?

– Отпусти, – процедила я.

Он снова усмехнулся и выпустил мою руку. Поднял ладонью вверх, показывая, что не держит. Глаза у него были красные, рожу покрывала щетина.

– Что ты здесь забыл, – зло спросила я.

– Да так. Хотел убедиться, что ты в порядке.

– В порядке? – голос я не поднимала. Гнев становился сильнее и сильнее. – Ты ещё смотреть будешь, в порядке ли я?! Ты меня…

– Тс-с-с, – коснулся он пальцем моих губ.

Я отдёрнула голову. Мне не то что его прикосновения – стоять рядом было противно.

– Ну и что? Что ты выкабениваешься, сестрёнка? Хороший дядька же. Не развалилась, а мне на карман прилетело. От пацанчиков тебе благодарность.

– Засунь благодарности своих пацанчиков им знаешь куда, – выплюнула и снова хотела уйти. Но остановилась. Уже сама.

Не просто же так он пришёл. Присмотрелась к нему. Достав смятую пачку, он зубами вытащил очередную сигарету. Подкурил. Даже это они с Германом делали совершенно по-разному. Как Леонид может быть моим братом?! Отец всегда говорил маме, что, если она будет его баловать, ничего дельного не получится. Но иначе она не могла. В детстве Лёня тяжело болел и, насколько я знала, мама считала себя в этом виноватой. Но в попытках искупить свою вину делала хуже.

– Родителям было бы стыдно за тебя, – только и смогла сказать, когда он по-клоунски отдал мне честь.

– Родителям насрать. Они сбагрили на меня свой багаж, а сами, – свистнул и махнул рукой. – Как мелкий? – вдруг спросил он.

– С чего такой интерес? Раньше за тобой этого не замечала.

– Раньше ты не раздвигала ноги перед богатыми дядьками. Как понимаю, ты у него обосновалась?

То ли я не могла уловить суть, то ли сути в его словах просто не было. Первое было вероятнее. Каким бы шутом ни выглядел Леонид и с кем бы ни водил дружбу, мозгов ему было не занимать. Только применял он их всегда странным образом.

– Послушай, – он вдруг сбросил маску идиота, – я его опекун. Ты можешь валить на все четыре стороны, но за мелкого спрашивать будут с меня. Так что давай

отвечай.

– У нас всё хорошо, – сказала я нехотя. – Будет ещё лучше, если ты исчезнешь с горизонта. Не подходи ни ко мне, ни к Платону, ясно тебе! – всё-таки повысила тон. – Делай, что хочешь, но нас не трогай! Я воспитаю брата! Сама воспитаю!

– Тихо, – опять пальцем по губам. И опять дёрнулась как ошпаренная. – Тихо-тихо. Не нервничай. Здесь детки, чужие глазки. Зачем им видеть, что ты не в себе, а?

Он говорил с издёвкой. И от этого ощущение, что пришёл Лёня с утра пораньше не просто так, становилось сильнее. Я смотрела на него, он – на меня. Выдерживал паузу, заставляя меня теряться в догадках.

– Так ты хочешь, чтобы Платошка с тобой остался? – он затянулся. Глубоко, долго. Сплюнул себе под ноги. Вопрос мне не понравился, как и то, как Лёня его задал.

– Я не собираюсь с тобой это обсуждать.

– Придётся, – понизил голос. – Хочешь, чтобы малой был с тобой, – гони бабки.

– Что? – я недоверчиво усмехнулась.

– Что слышала. Гони бабки. Будешь платить мне каждый месяц, и я сделаю вид, что всё в порядке.

– Ты совсем свихнулся?! – на этот раз я действительно разозлилась. Так сильно, что готова была послать старшего брата матом, никого не стесняясь.

– Я его опекун, ты девица лёгкого поведения. Нашла себе спонсора… Может, не одного. У меня много свидетелей, Вероника.

Я чуть не подавилась вдохом. Он говорил серьёзно. Вот теперь он действительно говорил серьёзно.

– Бабки, – повторил брат.

– Где я их возьму?!

– Это меня не волнует. У своего хахаля, например, – дёрнул он плечом. – Двадцатка в месяц его не отяготит. Ты платишь – я забываю о вас. На месяц. Потом ты снова платишь, а я снова забываю, – сделал многозначительную паузу и добавил: – на месяц. Раздвинь ножки пошире, возьми в рот поглубже. Что он там любит? Может, в попку? – зажал сигарету зубами и ударил ладонью о сжатый кулак. – Не будет денег – Платон вернётся домой.

– Да пошёл ты, – прошипела я. – Будут тебе деньги.

Я быстро зашагала прочь, не зная, от чего меня колотит сильнее: от ярости или от чувства, что всё рушится. Всё. Если я не найду деньги, он заберёт Платона. Он его опекун. А я… Я девка, связавшаяся с богатым мужиком. И плевать, что это совсем не так. Если Лёне будет надо, он найдёт того, кто это подтвердит. И поверят ему, а не мне. Потому что даже в детстве было так: ему верили, мне – нет. В отличие от меня он умел манипулировать людьми. И находить больные места тоже умел. Как с мамой, которая всю свою жизнь прожила с чувством фантомной вины перед ним.

Несмотря на буднее утро, машин на заправке было мало. Слушок об очередном повышении цен на бензин прошёл ещё пару дней назад. Тогда-то и случился аврал. Ворча, местные заливали полные баки, а некоторые заодно и канистры.

– Павлиниха у себя? – поздоровавшись с только что залившим бак вишнёвой семерки Кешей, спросила я.

Работали мы обычно два через два. Но, в отличие от меня, сменщик учился в местном колледже, так что я порой брала его смены. Нормальный парень, даже симпатичный. Порой мне казалось, что я ему нравлюсь. Вот и сейчас чувство было, что смотрит он на меня с куда большим интересом, чем стоило бы.

– Слышал, что тебя турнули. Как ты умудрилась так косякнуть?

– Да… – посмотрела на него выразительно. Не рассказывать же ему, что я обчистила мужика, в сторону которого и смотреть-то нужно было с

осторожностью. – Так она у себя?

– У себя, – хмыкнул Кешка. – Пришла с утра пораньше. Вид такой, как будто ей все должны.

– Как обычно, – повернулась к магазинчику, в недрах которого скрывалась комната заправляющей всем этим делом мадамы.

Звали её Павла, но Павлиниха подходило ей больше. Именно так между собой мы её и называли. Оставалось гадать, что именно сказал ей Герман. Если бы Павлиниха узнала правду, наверняка, уже поползли бы слухи. Значит, что именно случилось, Вишневский ей не сказал.

Воровка. В сущности, так оно и было. Чем бы я ни пыталась себя оправдать, факт оставался фактом. Наверное, мне стоило бы испытывать муки совести, только я их не испытывала. Мне нужны были деньги. Как никогда нужны, а у Германа их навалом. Это я поняла сразу, как только он въехал на заправку и посмотрел на меня с чувством превосходства. От того, что получал вначале на нас двоих, а после уже только на Платона Леонид, не оставалось и копейки. Большее, что мы видели, – батон и полусгнившие яблоки на полках холодильника. В этом месяце же старший брат не оставил фактически ничего и от моей зарплаты.

– Можно? – постучав, зашла я в комнату начальницы.

Та подняла надменный взгляд от телефона, в котором ковырялась. Прошлась по мне.

– Чего хотела?

– Мне нужна эта работа, Павлина Валерьевна, – сказала я честно. – Вы же знаете.

Сейчас работа мне нужна была даже больше, чем раньше. Только безучастный стервозный взгляд Павлинихи ничего хорошего не предвещал. Желающих на моё место было предостаточно. Тех, что будут ей в рот заглядывать и ходить на полусогнутых, теша её раздутое самолюбие, было навалом. У меня с этим всегда были проблемы. Не удивлюсь, если она спала и видела, как найти повод, чтобы от меня избавиться. Но был один плюс: я хорошо знала специфику и все слабые

места нашей заправки, начиная с вечно дающего сбои заправочного шланга и заканчивая особенностями местной клиентуры. И ещё старые засранцы частенько доезжали до нас, чтобы заправиться у меня. Приходилось улыбаться и развлекать их разговорами. Но делать было нечего.

– Раньше надо было об этом думать.

Она отложила телефон на стол и встала. Жопа у неё была как корма, но мнила себя Павла ещё той красоткой.

– Или ты считаешь, что хамить клиентам в порядке вещей?

Вот, значит, какая официальная версия. Нахамить клиенту звучит однозначно лучше, чем обчистить его.

– Не знаю, как так получилось, – вздохнула я, потупившись. – Обещаю, такого больше не повторится.

– Конечно, не повторится. Как это может повториться, если ты здесь больше не работаешь?

– Павлина Валерьевна…

– Нет, Вероника, – отрезала она. – Заправщик – лицо заправки. Приезжая к нам, клиенты первым делом сталкиваются с ним. И от этого зависит, выберут нас в следующий раз или нет. Хамство тут недопустимо.

Её пылкий монолог вызвал у меня недоумение. Лицо заправки? Выберут ли нас?

– Да им не особо-то есть из чего выбирать, – осторожно заметила я.

Если бы главной героиней сцены была не сама я, это могло бы быть смешно. Павлина вздёрнула курносый нос, и её второй подбородок стал не так заметен. Цокая каблуками, она вышла из-за стола. Корма её раскачивалась, и мне стало боязно за брюки, обтягивающие её так плотно, что можно было разглядеть швы нижнего белья.

– У меня братик, – заговорила жалобно. – Лето скоро. Я думала, может, ролики ему куплю. Пожалуйста, Павлина Валерьевна, дайте мне ещё один шанс.

Самой от себя было противно. Но грымзе мои слова льстили. Повелительница бензоколонки, мать её!

– Ты понимаешь, что на тебя нажаловался не простой дальнобойщик? – тоном строгой учительницы осведомилась она. – Почему я должна оправдываться? Почему я должна извиняться? Ты простая девчонка, каких в этом городке сотни. И чем ты лучше других?

Слушая её, я молча стиснула зубы. Снова и снова повторяла себе, что отвечать не нужно. Если бы грымза хотела сказать нет, выставила бы меня сразу. Пока же она демонстрировала своё превосходство, нужно было терпеть.

– Я всё понимаю, – сказала тихо, опустив глаза. – Больше ничего подобного не случится, обещаю Вам. Я знаю, что всё личное нужно оставлять дома. Просто на нервах была. Вы же как женщина меня понять можете, – взгляд из-под ресниц. – Я сама не поняла, как так получилось… Знаете же, что всегда стараюсь быть сдержанной. А тут вначале дома со старшим братом поругались. Потом автобус из-под носа ушёл…

– Дома-то что? – неожиданное участие с её стороны сбило меня с толку. С враньём у меня всегда было так себе, тут же я совсем растерялась.

– Мне ванная была нужна. Ну… – заломила пальцы.

Обсуждать с Павлинихой такие вещи точно не планировала. Да и обсуждать было нечего. Но раз уж она прониклась – нужно идти до конца.

Она постучала налакированными ногтями по столу.

– Даже не знаю…

В сердце затеплилась надежда. Вздохнув, Павлиниха достала из сумочки кошелёк с логотипом дорогого бренда. Кошелёк был откровенной подделкой, но демонстрировать его при каждом удобном случае ей это не мешало.

– Пойдём, – она прошла через кабинет к выходу. – Выпью кофе, заодно подумаю, что с тобой делать.

Пришлось тащиться за ней в магазинчик. На кассе она взяла батончик и распорядилась приготовить ей капучино. Приготовить в данном случае значило развести пакетик с порошком кипятком, потому что кофемашина сломалась ещё в конце прошлого года, и чинить её никто не спешил. Взяв чашку, она вышла на улицу. Я опять потащилась за ней. Машин на заправке стало больше, хотя для утра понедельника вереница всё равно выглядела куце.

– Я возьму тебя обратно, – наконец вынесла она вердикт. Но обрадоваться я не успела. – Первый месяц – нет, три – будут испытательные. Зарплата, соответственно, в два раза меньше.

– Почему испытательный?! – моему негодованию не было предела. Вот же стерва! – Я здесь уже больше года работаю!

– Работала, – поправила она. – К тому же, первые месяцы без оформления. Так что не забывайся.

Сука! От злости хотелось плакать. Она же, понимая, что деваться мне некуда, продолжила:

– Можешь выходить завтра. Но обязанностей у тебя будет больше. Наша уборщица вчера сломала руку, поэтому будешь мыть полы после закрытия магазина и убирать туалет.

– А какая надбавка?

– Какая надбавка? – отпила кофе и повернула ко мне голову. – Никакой надбавки, Вероника. Либо так, либо, – махнула рукой, – можешь идти искать то, что тебя устроит больше.

Я как-то само собой окинула заправку взглядом. И… Внедорожник с тонированными стёклами остановился от нас метрах в пяти на парковочном месте. Я напряглась всем телом.

– Хорошо, – поспешила ответить раньше, чем к нам подошёл появившийся из машины Герман. – Я… я согласна.

– На что она согласна? – Вишневский перевёл взгляд с меня на Павлиниху.

Я ждала, что она распушит хвост, заулыбается. Но, к моему удивлению, держалась начальница достаточно уверенно. Только приосанилась, а в глазах появился охотничий огонёк.

– Я решила дать Веронике возможность вернуться на работу. С испытательным сроком, конечно.

Герман некоторое время продолжал смотреть на неё. Потом вернул взгляд на меня и спокойно, тихо сказал:

– Нет.

– Она неплохой работник. Возможно, то, что случилось… – возразила было Павла.

– Нет, – повторил Герман. – Работать она тут не будет. Если возьмёшь её, сама в тот же день окажешься на улице. Второго шанса я никому не даю. И… – глянул на подошедшего к очередной подъехавшей к аппарату машине Кешу. – Пусть мне заправят полный бак, – короткая пауза. – За её счёт, – кивок на меня и почти неуловимая усмешка. – В качестве компенсации морального ущерба.

Глава 6

Вероника

Сунув руки в карманы куртки, я шла вдоль дороги и изо всех сил пыталась сдержать злые слёзы. Выходило паршиво. Шмыгнула носом и смахнула одну, всё-таки покатившуюся по щеке. Лиха беда начало. Вслед за ней побежала следующая, а потом ещё и ещё. В левом кармане была дырка, сквозь которую

лез синтепон. После стирки она стала ещё больше, и теперь туда проваливались пальцы.

Возле меня затормозила машина. Герман Ужасный собственной персоной! Ускорила шаг. Не хотелось, чтобы он видел, как я реву. Как бы ни была зла, понимала: виновата сама.

– Садись в машину, – опустив стекло, приказал он.

– Катись к чёрту!

Пошла быстрее. Было бы куда – свернула бы. Но до ближайшего поворота пилить и пилить. Герман медленно ехал рядом. Это действовало на нервы. В конечном итоге ему, похоже, надоело. Обогнав меня, остановил внедорожник и вышел из него. Преградил мне путь.

– Пусти! – процедила, когда взял меня за плечи.

Вывернуться не удалось. Крепко держа, Вишневский подвёл меня к машине и втолкнул в салон на водительское кресло.

– Шевелись, – пихнул под задницу.

Пришлось перебраться на соседнее. Усевшись, я глянула на него волком. Чувствовала, как дрожит подбородок, а на глазах набухают слёзы.

– Мне нужна эта работа, – бестолково сказала я. – Тебе легче от того, что ты сделал? Мстишь?

– На кой мне тебе мстить? – он тронул машину с места.

Я смотрела на него, пытаясь взять в толк, что это, если не месть.

– Можешь считать, что тебя настигла справедливость.

Я фыркнула сквозь слёзы. Не говорить же ему, что была бы рада, если б меня настигла справедливость. Только справедливость таких, как я, обходит стороной. Если он решил возомнить себя вершителем правосудия, неплохо было бы сперва вернуть моему брату хотя бы одного из родителей, а меня определить в какой-нибудь, пусть даже плохенький колледж. Конечно, с учёбой у меня всегда не ладилось, но это не значит, что я безнадёжная, ни на что не способная тупица.

Пока мы ехали, я ещё сильнее расковыряла дырку в кармане. Остановилась, только когда в неё провалились две из трёх болтающихся у пальцев монетки. Мы как раз проезжали торговый центр на площади, и я с тоской проводила его взглядом.

– Мне нужны деньги, – стараясь, чтобы это прозвучало примирительно, сказала я. Кажется, получилось. Не примирительно, скорее, жалостливо, но какая разница?

– Разве у тебя нет денег? – с издёвкой в ответ.

Я снова фыркнула. Расстегнула куртку. Герман покосился на меня. Открыв внутренний карман, положила на приборную панель перед ним несколько купюр. Странно было, что в бумажнике нашлись только наличные. Ни одной карточки. Хотя нет, одна там всё-таки была. Правда, не банковская.

– И что это?

– Деньги, разве не видишь?

– Вижу, – не отрываясь от дороги, он неспешным движением взял купюры и, пересчитав, хмыкнул.

– Тут всё, что было. – я разозлилась.

Не могла понять его усмешку, его мысли, и это заставляло меня каждую секунду быть настороже. Как оказалось, не зря.

– Было в три раза больше, – он убрал деньги в карман пиджака.

– Неправда, – во рту вдруг пересохло.

Он знал, что это неправда, но, когда повернулся, и я наткнулась на его взгляд, ничто и намёком не говорило, что он шутит.

– Я отдала тебе всё! – вскрикнула в бессильной ярости.

– Не всё. Денег было больше, Ника, но ты могла бы оставить их себе. Мне нужны не деньги.

Прикрыв глаза, заставила себя успокоиться. Он специально. Специально, чёрт его за ногу!

По лицу снова побежали слёзы от собственного бессилия, от никчёмности и, что уж говорить, от обиды на жизнь. Мимо по обочине прошли две девушки примерно моего возраста. Хорошо одетые, с фирменными пакетами в руках. Я поймала себя на том, что выдернула из куртки клочок синтепона. Надо сегодня же зашить дырку. И ещё другую на лифчике, а заодно и укоротить растянувшиеся бретельки. Только это потом. Если я не дам Лёне денег, он заберёт Платошку. Совсем не потому, что он ему нужен, а чтобы показать мне, что он может это сделать. И чтобы получить своё. Потому что этот подонок знает, я вывернусь, но брата ему не отдам.

– А нам нужен дом, – ответила, не глядя на Германа. – И гарантии. Я не воровка, Герман. Но иногда жизнь не оставляет выбора.

– И чем же она заставила тебя выбрать мой бумажник? – продолжал усмехаться.

– Тем, что моему брату нужна одежда, – решительно повернулась к нему. – И детство. Я обещала Платону сводить его на батут с зарплаты. А Лёня…

Осеклась. Зачем ему знать, что в день, когда он приехал на заправку, я как раз получила деньги. Старший брат пришёл буквально через двадцать минут после этого. Зажал меня в подсобке и заставил отдать ему всё. Вернее, почти всё, если оставшиеся у меня пятьсот рублей можно брать в расчёт. Нужно было скинуться на подарок для воспитательницы в детском саду, купить Платошке новый спортивный костюм, кроссовки и курточку, выполнить своё обещание, а у меня

было пятьсот рублей и три монетки, две из которых сейчас болтались в синтепоне подкладки. И это, не говоря о средствах личной гигиены для себя самой. Последнюю прокладку я использовала в прошлом месяце, шампуня оставалось на дне. Справедливость. Да пошёл он к чёрту со своей справедливостью!

Я шмыгнула носом, отвернулась к окну.

– Будешь работать у меня, – услышала я.

Медленно повернулась обратно.

– Кем? Личным оруженосцем? Пушку за тобой таскать предлагаешь?

– С этим я справлюсь сам, – он сбросил скорость. Прижал внедорожник к бордюру и остановился возле кофейни, предлагающей на вынос кофе и ягодные пироги. – А вот твои оладьи мне понравились.

Взгляд его изменился, когда из кофейни вышла молодая женщина, держащая за руку девочку лет пяти-шести. Задумчиво он посмотрел им вслед. Я тоже смотрела на них, стараясь понять, что привлекло его внимание, но не заметила ничего необычного.

– Но денег ты не получишь. Я куплю твоему брату одежду.

– Мне нужны деньги, – с яростью, отчаянием и ещё незнамо чем.

Я ведь идиотка! Господи, почему я такая идиотка?! Что я хотела доказать, отдав ему наличные из бумажника?!

– Только что ты сказала, что хотела купить вещи для брата. Я готов помочь тебе с этим. Теперь ты говоришь, что тебе нужны деньги. Зачем?

– Тампоны себе хочу купить, – выплюнула и рванула ручку, собираясь выйти из машины. Дверь оказалась заблокирована.

Герман помолчал секунд десять. Вытащил из кармана деньги, которые я ему вернула и, отсчитав несколько купюр, свернул в четыре раза. Я не успела опомниться. Почувствовала прикосновение к боку. Сукин сын задрал мой свитер и засунул деньги за пояс джинсов.

– Аванс, – хлопнул по ноге.

Затем отстегнул ремень и разблокировал дверь со своей стороны. Моя так и осталась закрытой.

– Будешь кофе?

– Только если он не будет вычтен из моей зарплаты, – сарказм был таким же бессильным, как и я сама. Германа это, похоже, повеселило.

– Так и быть, кофе за мой счет, – сказал он и вышел.

Стоило ему скрыться за дверью кофейни, я пересчитала деньги. Мало. Разве что… Я знала только одного человека, у которого можно было попросить в долг. Уж пару недостающих тысяч можно. А там… Там я что-нибудь придумаю.

– Возьми, – на указательном пальце Вишневского висела связка ключей. Удерживающее их вместе серебристое кольцо было необычно массивным.

Мой взгляд упал на брелок. Захотелось поёжиться. Это был самый настоящий коготь. Большой, сантиметров семь, с сохранённым на остатках шкуры мехом. Если бы не этот коготь, я бы изумилась сильнее, а так он здорово отвлёк внимание.

– Не боишься давать мне ключи от квартиры?

– С чего ты взяла, что они от квартиры, – только я потянулась, Герман зажал связку в кулаке.

Хмыкнул и, раскрыв ладонь, повернул боком, позволяя мне рассмотреть коготь во всей красе. Я всё-таки передёрнула плечами. Герман подал мне связку и на этот раз позволил взять её.

– Если не от квартиры, значит, от берлоги, – заключила я, подозревая, что коготь некогда принадлежал медведю. – А это одно и то же.

Вишневский достал пачку сигарет и закурил, ничего мне не ответив. В воздухе запахло дымом. Непротивно, скорее, непривычно. Задумчиво глядя на меня, Герман почти незаметно кривил губы и щурил глаза. Может быть, причиной этому был холодный и мокрый ветер, а может, ведомые только самому Герману мысли.

Не зная, что делать дальше, я мялась с ноги на ногу. Хотелось побыстрее оказаться дома и снять намокшие кроссовки. Их бы тоже было неплохо поменять, но трезвый расчёт подсказывал, что сделать это смогу нескоро.

– Если ты ещё не поняла, девочка, связываться со мной себе дороже. Тем более таким шавкам, как ты. Стоит тебе сделать хоть что-то, что придётся мне не по вкусу, пожалеешь. – он затянулся в последний раз. Бросил окурок на влажный асфальт. – Попробуешь сбежать – найду. Попробуешь выставить меня дураком – найду и сделаю так, что больше тебе играть в игры не захочется. Ни со мной, ни с кем-то ещё.

Он говорил очень тихо, проникая в меня голосом, взглядом, и от этого по спине бежал холодок. Коготь на связке был предупреждением, как и слова. Я вдруг поняла это. Угрожающего вида брелок – никакая не случайность. У этого мужчины вообще не бывает случайностей.

Разве что, наше с ним знакомство.

– Усекла?

– Да, – голос пропал. Вышло даже не блеянье, а немое кваканье.

Ему этого хватило. Посмотрев на меня так, будто хотел убедиться, что я действительно поняла, он сел за руль. Завёл двигатель. Сдал назад, мигнув на прощание огромными, похожими на драконьи глаза фарами внедорожника.

Я не двигалась с места. Как будто в лужу с клеем вляпалась или во что-то до ужаса липкое и теперь не могла сделать шага. Герман смотрел на меня через

лобовое стекло, и я, к собственному ужасу, поняла ещё кое-что: если бы сейчас он ударил по педали газа и решил превратить меня в лепёшку, всё равно бы не смогла пошевелиться.

Только когда машина оказалась на порядочном расстоянии, взглянула на ключ. У основания когтя была жёсткая бурая шерсть. Нерешительно провела по ней. Платону, наверняка, бы понравилось. А у меня нутро сжималось.

– Усекла, – повторила и заставила себя пойти к подъезду, заведомо зная, что каждый раз, как достану из кармана связку, в голове у меня будет звучать угрожающе тихий голос давшего мне её мужчины.

День я провела, занимаясь уборкой и готовкой. От мысли стать Герману ближе не отказалась, но поняла, что вести себя нужно осмотрительнее. В моей жизни никогда не было таких мужчин. Это уже не говоря о том, что их в моей жизни вообще не было. Но, как вести себя с местными, хотя бы представляла, а с ним…

– Ты опять грустная, – вывел меня из задумчивости Платон.

– Я не грустная, – поспешила разуверить его. – Задумалась просто. Думать бывает полезно.

– Неполезно, – возразил он на полном серьёзе. – Когда ты думаешь, ты грустная. Значит, неполезно.

Против его железной логики переть было бессмысленно. И, правда, чем больше я думала, тем тревожнее становилось на душе. Но перекладывать это на Платошку я не хотела.

– Смотри, что у меня есть, – показала ему связку с когтем.

Брат ахнул, округлил глаза. Как я и думала, живодёрский брелок привёл его в восторг. Он даже остановился, чтобы как следует рассмотреть его. Ненадолго выглянувшее солнце спряталось за серые тучи. Казалось, вот-вот повалит снег. Нахохлившийся голубь сделал к нам шаг, но передумал и вспорхнул с оградки. На площадке около нас резвились дети, неподалёку чесали языками сбившиеся в

кучку мамочки.

– Если это только коготь, ты представляешь, какой был медведь? – Платон состроил страшную гримасу, поднял руки и, зарычав, изобразил косолапого.

Я улыбнулась. В интерпретации брата медведь выглядел так, словно перебрал медовухи после зимней спячки.

– А у меня тоже кое-что есть, – вернул он мне коготь.

Снял рюкзачок и, пошарив, достал куклу. Тряпичную, с заплетёнными в косу русыми волосами. Взяв в руки, увидела на её горле неаккуратный, сделанный красными нитками шов. Далеко не случайность. Чуть не выпустила куклу из рук.

– Откуда это у тебя? – голос мгновенно сел.

– Лёня дал.

– Лёня? – другого я и не ожидала. – Он что, приходил?

– Да, – брат сунул куклу обратно в рюкзак.

Нужно было избавиться от неё, но на меня напал ступор. Я видела, как сходится молния, как скрываются русые волосы. Платон ничего не заметил.

– Что он тебе ещё дал? – взяла брата за руку и крепко сжала его ладонь. Наверное, слишком крепко, потому что он попытался вытянуть её. – Что он сказал? Платон? – не выдержав молчания, присела перед ним на корточки. Взяла за скрытые под курточкой худенькие плечи. – Он тебя обидел?

Платон отрицательно мотнул головой.

– Он мне ещё леденец дал. На палочке. А внутри была жевательная конфета. Всё было хорошо, Ника.

Хорошо всё не было. Но всё-таки поднялась и снова подала брату руку. Он сам взял меня за неё.

– А… – потянул меня. – Ещё Лёня попросил, чтобы я сказал тебе, что он придёт завтра. Зачем, он мне не сказал, но сказал, что ты сама знаешь. Что или ты должна прийти, или придёт он. И что ждать он не будет. Вот. Сказал, а потом дал мне куклу.

По инерции я продолжала идти вперёд. Шаг, другой… Ноги промокли насквозь, а я смотрела в одну точку. Завтра. Только это и билось у меня в голове.

Завтра.

Глава 7

Вероника

– Принёс? – дёрнула я за рукав Кешу. Только когда он посмотрел на меня, опомнилась. – Привет. Извини, просто… Навалилось всякого.

– Да ничего, – достав несколько банкнот, он отдал их мне. Пересчитав, наконец почувствовала себя спокойнее.

Кеша внимательно наблюдал за мной. Ясное дело, понял, что у меня не всё в порядке. Но в данный момент что он понял, а что нет, волновало меня не так сильно, как встреча со старшим братом. Вернувшись вчера домой, я первым делом позвонила Кешке, а после того, как он пообещал выручить меня, Леониду.

– Спасибо тебе большое. Я всё отдам. Постараюсь в ближайшую неделю.

– Да не нужно мне ничего отдавать, – отозвался он с несвойственной ему небрежностью. Даже обидой. Словно я сказала что-то не то. Снова пристально посмотрел. Мне это не понравилось.

– Это ещё почему? – с недовольством, задницей чувствуя подвох.

– Тебе эти деньги нужнее, – на его губах появилась лёгкая улыбка. – Давай договоримся так: я забываю про них, а ты идёшь со мной в «Озёра».

– То есть ты на свидание меня приглашаешь?

– Не приглашаю, а не оставляю тебе выбора. Завтра мы с тобой идём в «Озёра».

Возле нас затормозил старый жигулёнок. Кеша нехотя взял шланг и согнутыми пальцами стукнул в поднятое стекло. Сидящий за рулём водила в кепке опустил его.

– Как обычно? – спросил мой бывший сменщик.

Мужичок крякнул в ответ. Кеша сунул лейку шланга в отверстие для залива и только после этого снова переключился на меня. Отсутствие выбора не очень-то мне нравилось. С другой стороны, в отличие от Германа, ничего подобного Кешка, на самом-то деле, в виду не имел. Лукавые смешинки в его глазах подтверждали это. Другое дело, что в сложившихся обстоятельствах шутка получилась так себе. Но откуда ему было знать о моих персональных тараканах?

– Можешь считать меня корыстной сучкой, но отказываться я не стану, – улыбнулась ему. Хороший парень, симпатичный. Может, зря раньше на него внимания не обратила.

– Только мне нужно Платона из сада забрать. Так что давай днём.

Когда подошла к клубу, Лёня уже ждал меня. Прошёлся оценивающим взглядом, пыхнул сигаретой.

– Давай деньги, – приказал он.

Зрачки у него были расширены, глаза покраснели. Щетина на лице стала темнее. Жаль мне его не было. Сам виноват.

– Пиши расписку.

– Что? – он усмехнулся. Глубоко затянулся, харкнул себе под ноги. – Расписку? Ты в своём уме, коза?

– В своём, – пропустила оскорбление мимо ушей. – Пиши расписку, Лёня. Иначе денег не увидишь.

– Да я тебя сейчас, – он ухватил меня за руку. Лицо его исказилось злобой и яростью.

Я поморщилась. От брата воняло дешёвым табаком ещё сильнее, чем вчера. Вышедший из клуба охранник покосился на нас, кивнул Леониду.

– Гони бабки! Иначе мы продолжим с того места, на котором остановились пару дней назад.

Чтобы ответить ему, мне пришлось собрать волю в кулак. Но прогибаться было нельзя. Стоит ему почувствовать мою нерешительность, мой страх – он не остановится. Через это я проходила уже много раз. Его пальцы впивались в руку, как клещи, глаза сверкали.

– Где они? – продолжая держать, сунулся он в мой карман. Ничего не нашёл и принялся шарить в другом. Когда дело дошло до джинсов, зашипела и умудрилась вонзить ему в руку ногти.

– За дуру меня держишь?! Деньги будут, когда ты мне напишешь, что Платон на ближайший месяц остаётся со мной. И что я тебе за это заплатила столько, сколько ты сказал, понял? Не будет расписки – не будет денег.

– Тогда и своего братца ты не увидишь! – процедил он с яростью.

– Не увижу. Но и ты не увидишь денег. Мы с тобой останемся в пролёте, Лёня. И ты, и я.

– Проклятая сука, – рыкнул и оттолкнул меня.

Внутри всё тряслось. До этой секунды я не была уверена, что дело выгорит. Но отдавать ему деньги просто так действительно не собиралась. Слишком хорошо понимала, что завтра он может потребовать ещё. А потом ещё и ещё. В сущности, он и так мог это сделать. Но расписка была хотя бы маленьким залогом нашей с Платошкой неприкосновенности. Шмыгнув носом, он кивнул мне на клуб.

Я поколебалась. Днём клуб работал как обычная пивнушка, где зависали местные неудачники. Вряд ли мне что-то могло угрожать, тем более до тех пор, пока Лёня не получит свои двадцать штук.

Через десять минут всё было готово. Взяв листок, он накарябал несколько строк. Но отдавать мне его не стал. Приподнял бровь в ожидании.

Мимо нас прошла официантка. Полная, с лицом, покрытым веснушками, девица. Дочка администратора, насколько я знала. Лёня со скучающим видом посмотрел на её крупные бёдра.

– Тебе от самого себя не тошно? – со вздохом спросила, встав с диванчика. Показала брату на выход.

– Тебе же от себя нет. Разве мне должно быть. Ты трахаешься с богатым папиком, я имею с этого навар. Семейный бизнес. Может, найдём тебе ещё одного? – его оскал вызвал у меня отвращение.

Ничего не сказав, я пошла к выходу. Остановилась, подождала Лёню. Денег с собой у меня, правда, не было. Давно пора было поумнеть, включить мозги. Мы вышли на улицу, и я указала старшему брату на супермаркет через дорогу.

– Я подожду тебя тут.

– Как хочешь, – мне так было даже лучше.

Дождавшись светофора, перебежала проезжую часть и зашла в магазин. Сняла со связки ключ от ячейки и, забрав неприметный кулёк с деньгами, вернула на сделанный в виде детского кубика номерок. Кассирша смотрела на меня с подозрением. Я старалась не обращать на неё внимания. Своего я добилась.

Правда, оставалось ещё одно: забрать у Лёни расписку. Подумав, написала ему сообщение и опёрлась о столик для упаковки продуктов. Через минуту брат вошёл в двери.

– Давай расписку, – потребовала. Кассирша продолжала поглядывать на нас.

– Сука, – Лёня припечатал бумагу ладонью.

– Ещё какая, – согласилась и сделала то же с кульком. Выдернула у него бумагу и подтолкнула деньги. – Можешь не считать.

– Могу, – согласился он. Взял меня за ворот куртки и, склонившись, добавил: – Ты же знаешь, что, если там меньше, я с тебя шкуру спущу.

Отпустил и, наградив напоследок ненавидящим взглядом, вышел из магазина.

Я выдохнула. Посмотрела на женщину и сжала заветную бумагу. Прошла к кассе, взяла шоколадный батончик и положила на ленту. Касса пикнула.

– У вас всё в порядке? – подав мне шоколадку, спросила кассирша.

– Да, – отдала ей мелочь. – Теперь, кажется, да.

Это была откровенная ложь. В порядке у меня не было ничего. Но этот раунд остался за мной, чего никогда раньше не случалось. Другое дело, сколько продлится затишье перед следующим. А что Леонид не успокоится – сомнений не было.

«Озёра» было одним из тех немногочисленных мест в городе, где можно было съесть беляш с мясом без опаски нарваться на клочок крысиной шерсти. Вообще, называлось кафе «Мамины штучки», но из-за того, что находилось оно рядом с местным озером, его так и называли «Озёра».

– Бутылку шампанского, – развязно попросил Кеша и откинулся на спинку стула.

Говорить ему, что, пытаясь казаться небрежным и значимым, выглядит он смешно, не стала. Ещё несколько дней назад я бы так даже не подумала. Но теперь мне было с чем, вернее, с кем сравнивать. Зря, конечно.

– Вообще-то, мне ещё брата забирать, – напомнила я.

– От пары бокалов с тобой ничего не случится.

Я улыбнулась. Скорее, потому, что прозвучало это банально и пафосно. Но Кеша счёл по-своему. Накрыл мою руку ладонью.

– Я рад, что ты согласилась встретиться.

– Ты не оставил мне выбора.

Кажется, приступ помпезности у него прошёл. В бледно-голубых глазах я разглядела знакомое тепло и нерешительность. Высвободила руку.

– А есть мы будем?

Он ухмыльнулся. Снова подозвал официанта.

– Картофельные дольки, – попросила я. – И что-нибудь сладкое.

Бутылка шампанского появилась перед нами достаточно быстро. Наполнив бокалы, официант ушёл, а Кеша продолжал пялиться на меня. Мне это не нравилось. Более того, поймала себя на том, что посиделки с ним совсем не радуют. Если бы мы встретились как друзья, другое дело. Но сменщик откровенно надеялся на продолжение.

– У тебя какие-то проблемы со старшем братом? – участливо поинтересовался он.

– Да так… Ничего нового, – пожала плечами. Пузырьки ударили в нос.

Этот парень был лучшим из всего, что я могла бы желать в нашем городишке. И девок за ним бегало предостаточно. Некоторые даже приезжали заправляться

на папочкиных тачках специально, чтобы лишний раз мелькнуть перед ним. Его тёплые пальцы прошлись по моей кисти и исчезли.

– Павлиниха дала окончательный разворот?

Я кивнула.

– Что думаешь делать теперь?

– Найду что-нибудь другое, – отозвалась как можно небрежнее. – Кто ищет, тот всегда найдёт.

– Я могу поспрашивать у парней. Вдруг у кого что есть на примете.

– Буду тебе благодарна.

Разговор не клеился от слова «совсем». Положенные сорок минут вежливости истекали то и дело повисающим между фраз молчанием. Высидев ещё двадцать, я отчётливо поняла, что в качестве напарника и друга Кеша нравится мне куда больше. Но голос подал здравый рассудок. Рано или поздно мне придётся строить свою жизнь.

Бутылка шампанского была уже пустой, фруктов на тарелке не осталось.

– Пойдёшь со мной Платона из сада забирать? – предложила, не горя желанием, чтобы он согласился.

– Пойду.

Да, похоже, Кеша настроен решительно. Я десять раз подряд повторила себе, что идиотка. Услышала, как возле окна остановилась машина, заметила чёрную тень. Резко обернулась, посмотрела в окно, с замиранием сердца ожидая увидеть внедорожник. Как же! Из машины появилась семейная пара с тремя мелкими.

– Всегда хотел иметь большую семью, – заметил Кеша. – Классно, когда у тебя есть брат или сестра.

– Классно, – буркнула я. Отставила недопитый бокал и встала. – Особенно классно, когда в детском саду карантин или он приносит тебе из песочницы кошачью какашку.

Сменщик широко улыбнулся. Я тоже. Сняв с вешалки куртку, подал мне, сам же попросил счёт и с барским щедрым видом положил сверху пару бумажек чаевых.

Чувство неловкости уходить не желало. Ни когда мы вышли на улицу, ни когда сели в трясущийся автобус.

Задумавшись, смотрела в окно и тут почувствовала ладонь на бедре. Опустила взгляд, подняла на Кешу. Он смутился и убрал руку. Мне же захотелось закатить глаза. Господи, детский сад! Сложно было представить, чтобы нечто подобное сделал Вишневский! Да он бы не то что не убрал… В животе стало щекотно, когда я вспомнила, как он откровенно гладил моё бедро, как трогал между ног. Я сдвинула коленки. Прокатившийся по телу жар прилил к лицу, щёки вспыхнули. Температура у меня ещё держалась, но не она стала тому причиной.

– Кажется, это наша? – заставил меня опомниться Кеша. Я выглянула в окно и поняла, что мы, в самом деле, подъехали к саду. Идиотка! И-ди-от-ка!!!

– Спасибо, что проводил, – притормозив у подъезда, сказала я Кеше. – И за всё остальное тоже спасибо.

– Если ты о деньгах, не стоит.

Вообще-то, я имела в виду «Озёра», но говорить об этом не стала. Предпочла смущённую улыбку.

– Я позвоню, – Кеша подался ко мне.

До меня дошло, что он собирается поцеловать. В последний момент успела подставить вместо губ щёку.

– Хорошо.

Сделав вид, что не заметила досады нашего с Платоном провожатого, подтолкнула брата к открывшейся двери подъезда. Заходя, случайно посмотрела на выезд из двора и увидела машину. Теперь это действительно была машина Германа. Чёрный внедорожник стоял метрах в двадцати. Сквозь бликующее стекло рассмотреть, есть ли кто внутри, было нельзя. Но я могла бы дать руку на отсечение – двумя минутами ранее машины во дворе не было. Подойдя к лифтам, посмотрела на хмурого брательника.

– И что это за выражение лица?

– Он похож на тупицу, – выдал брат.

– Кто? – от неожиданности я выдохом поперхнулась.

– Этот Кеша. И имя у него… как у попугая. У нас в садике попугая Кешей зовут. Он глупый и постоянно гадит.

Я так и припухла. Не сразу нашлась, что ответить, а когда открыла рот, от двери повеяло холодом. Или… Холодом веяло не от двери. Подняв голову, столкнулась взглядом с Германом. Его чёрное пальто было расстёгнуто, губы поджаты. Хорошее настроение испарилось как не бывало.

– Как вижу, отлично проводишь время, – он нажал на кнопку вызова лифта. – Видимо, у тебя мало работы.

Я хотела ответить ему, что работы, благодаря ему, у меня теперь нет, но предусмотрительно промолчала. Только это не помогло.

– Раз тебе нечем заняться? Возьмёшь ведро и вымоешь машину.

– Что? – недоверчиво. Он это что, серьёзно?!

– Что слышала, – отрезал Герман и кивком указал на открывшийся лифт.

В этот момент я была рада, что со мной Платон. Потому что взгляд Вишневского ничего хорошего не сулил. Вот только присутствие брата Герману не мешало. Двери закрылись, и он прижал меня к стене. Опёрся рукой о зеркало у моей

головы и втянул носом у виска. Кончиком задел кожу.

– Ты что делаешь? – просипела, выворачиваясь.

– Ничего, – глухим, пропитанным запахом сигарет и коньяка шёпотом. – Пока ещё ничего. Пока, – повторил и оттолкнулся от стены. Хмыкнул, сверху вниз посмотрев на ещё больше нахмурившегося Платона, и, едва лифт раскрылся, вышел.

А я стояла не двигаясь. Коленки дрожали, внизу живота сгустилось волнительное тепло. Брат потянул меня за куртку, и только после этого я смогла сбросить оцепенение. Несколько слов вкрадчивым шёпотом, запах дорогого мужчины, минута наедине в кабине лифта. Что это? Страх или что-то ещё?

– Шевелись, – обернулся Герман. – Насчёт машины я не шутил.

Глава 8

Вероника

Встать пришлось ни свет, ни заря. До последнего я была уверена: насчёт машины Герман несерьёзно. Оказалось, вполне. Перед тем, как уйти к себе, он предупредил, что к восьми внедорожник должен быть готов. Когда я буду мыть его, проблемы сугубо мои.

– Скотина, – процедила я, заканчивая тереть фару. На выглянувшем с утра солнце чёрный монстр блестел, походя на дракона из современной сказки.

Выключенные глаза фар таращились на меня, и хотелось как следует ударить чем-нибудь тяжёлым. Вроде лежащего на газоне булыжника. Только представить, чем это обернётся, я не могла, да и не хотела.

– Это ты относительно машины или меня? – услышала я знакомый голос и резко обернулась. Герман стоял в метре от меня.

Прикурив, выпустил облачко дыма. Придирчиво осмотрел машину.

– Протри стекло как следует, – показал на идеально чистое лобовое.

– Я уже протёрла, – процедила с раздражением. – Дважды.

– Значит, протри трижды, – посмотрел на часы. – Десять минут у меня ещё есть.

У него они, может, и были, у меня – нет. Нужно было ещё накормить брата и отвести его в сад. Но пришлось распылить на стекло очиститель. Только я коснулась тряпкой, на задницу мне легла ладонь.

– Продолжай, – Герман склонился ко мне. Его низкий бархатный голос прошёлся по невидимым внутренним стрункам, заставил замереть. Сбивчиво выдохнув, стала водить по стеклу тряпкой. Он – ладонью по моей ноге, по заднице. Пробрался под жилетку и кончиками пальцев провёл над поясом джинсов.

– Прекрати, – сказала зло и хрипло, пытаясь оттолкнуть его. Он махом сжал жилетку у меня на животе, я сглотнула, рука дрогнула. Бутылочка с жидкостью упала на капот, благо, была закрыта плотно. В идеально чистом лобовом стекле бликовало солнце. Герман потёрся о меня бёдрами.

– Моя последняя домработница трахалась так себе, – снова услышала его голос. – Старательно, но без огонька. Пришлось выставить её.

– Можно было просто нанять проститутку, – огрызнулась, стараясь не обращать внимания ни на его близость, ни на то, как упирается в меня его член. Почувствовала запах дыма у лица.

– Это я и сделал, – он хлопнул меня по бедру.

Накрыл руку и отобрал тряпку. Развернул к себе и посмотрел в глаза. Я в очередной раз сглотнула. Герман затянулся, вдавил меня в капот. Взгляд опустился к моим губам, поднялся выше, и я опять сглотнула, тщетно пытаясь

найти путь к бегству. От нагревшегося на утреннем солнце металла исходило слабое тепло, от Германа – опасность.

– Мне нужно собрать в сад Платона, – выдавила я. – Пусти.

В самом уголке его рта зародилась усмешка. Он рассматривал меня без интереса, но с задумчивостью, не переставая касаться. Я чувствовала запах весны и дыма, запах его одеколона и биение собственного сердца в горле. Ещё немного – ядрёного средства, которое пролила на старую жилетку, и думала, что у меня грязные волосы.

Вишневский был свежим, выспавшимся и дорогим, а я нищей, воняющей средством для мытья машины девкой с немытой головой. Но он хотел меня, а я сама… Я сама понятия не имела, откуда взялось ноющее чувство внизу живота и странное волнение.

– Поднимись за ним. Я отвезу вас в сад, вернёшься потом на автобусе.

– Ему надо позавтракать.

– Позавтракает в саду. Тем более он составил мне компанию за кофе. У твоего братца отличный аппетит. Как выяснилось, мы оба любим мясо. Я не говорил тебе, что и утром порой не прочь съесть сочный бифштекс, Ника? – ладонь остановилась на бедренной кости. Пальцем он подцепил петлю на поясе и подтянул меня к себе. – Твой брат, оказывается, тоже, – усмешка. – Из него вырастет настоящий мужик, уверен в этом.

Я тоже была в этом уверена. Только по другим причинам. Герман отпустил меня, кивком указал на подъезд, и, плохо понимая, что делаю, пошла в заданном направлении. Ноги подкашивались, кожа горела, а в животе ныло. У двери обернулась. Герман стоял, сложив руки на груди и привалившись к капоту. Ноги его были расставлены на ширину плеч, чёрный пиджак распахнут. Достав из кармана пачку, он вытащил новую сигарету. Я вздохнула и зашла в подъезд. Пока поднималась в лифте, решила, что сама отведу Платона. Но он, как выяснилось, был уже одет и ждал меня в коридоре.

– Дядя Герман сказал, что ты придёшь быстро, – обиженно выдал брат, только я хотела спросить, когда он успел собраться. – А ты не быстро. Пойдём, Ника. Я

хочу поехать на машине.

– С чего ты взял, что мы поедем на машине? – осведомилась с гневом, догадываясь, что услышу в ответ.

– Дядя Герман сказал, что сегодня мы поедем в сад на машине.

Я поджала губы. Разочаровывать Платона не хотелось. За свою жизнь в машине он сидел – по пальцам одной руки пересчитать. Внедорожник Германа был для него космическим кораблём. После нашей первой поездки несколько дней назад он спрашивал, можно ли будет когда-нибудь ещё хоть разочек даже не прокатиться – посидеть внутри.

– Дядя Герман тебе сказал, – с раздражением сняла жилетку. Поднесла к носу и принюхалась. Откинула на пуфик и принялась надевать куртку. Жилетка упала на пол, и я с досадой подумала, что там ей и место. В роли половой тряпки. Только где взять денег на новую? Герман привык к роскоши, к красивым женщинам, а я…

– Пойдём, – протянула брату руку. – Но учти, Платон, не надо слушать всё, что говорит дядя Герман.

– Почему? – задрал брат голову. – Дядя Герман он хотя бы нормальный.

Я покосилась на него. Нормальный? Хотела поинтересоваться, что это значит. Интересоваться не пришлось.

– Тот, который тебя вчера целовал, дурак. А дядя Герман нормальный. Пусть он лучше тебя целует.

– Умный больно, – проворчала, закрывая дверь.

Украдкой посмотрела на Платона. Да уж… Вопрос в том, захочет ли дядя Герман меня целовать? Или что там может захотеть дядя Герман и чем это может для меня обернуться?

– Во сколько тебя ждать? – спросила я, когда мы остановились у сада.

Герман не ответил. Его направленный на идущих к воротам мамочек с детьми взгляд был задумчивым. Я вдруг вспомнила, как смотрел он на женщину с дочкой у кофейни. Но спрашивать о чём-либо снова не решилась. Платон сам открыл дверь. Увидел приятеля и подбежал к нему. Показал на машину. Конечно же, в нашу с Германом сторону обернулся не только мальчишка, но и его мамаша. А вместе с ней и две других. Вот чёрт! Слухи в этом городе расползались быстрее, чем тараканы из перевёрнутой коробки. Не успела подумать об этом – Герман ухватил меня за локоть и второй рукой приподнял голову за подбородок.

– Что ты делаешь? – зашипела я. – Это маленький городок. Здесь…

Судя по тому, как изогнулись его губы, он прекрасно это знал. И… Делал всё специально.

– Вечером, – сказал тихо. – Я вернусь вечером, Ника. Будь готова.

Готовиться к вечеру я и не думала. Настроение было совсем не то. Вернее, его вообще не было, да ещё и горло заболело сильнее. Что бы не имел ввиду Вишневский, пусть идёт куда подальше! Не успела раздеться – телефон ожил. Увидев на дисплее имя бывшей одноклассницы, удивилась, но ответила. Дежурное «привет, как дела» не продлилось и минуты.

– Слышала, ты в шоколаде. – многозначительность фразы не заставила сомневаться: сарафанное радио нашей дыры работает исправно.

Так вот оно что!

– Смотря что ты считаешь шоколадом, – бросила с раздражением, ногой подталкивая кроссовки к стене. Одной рукой сняла куртку и повесила на крючок.

Бывшая подружка глупо хихикнула.

– Может, у твоего мужчины есть на примете друг? Я бы с радостью познакомилась.

– Нет у него друга, – резко. Хотела добавить, что он вообще не мой мужчина, что просто работаю у него… Кем? Горничной? Поварёнком? Перехватила взгляд собственного отражения и смолчала. – Мне некогда, – сказала вместо этого. – У меня много дел. Рада была тебя услышать.

– Давай встретимся. Посидим где-нибудь, кофе выпьем. Расскажешь, как ты.

Надо же! Раньше за ней рвения к посиделкам со мной не замечала. Почти год ни одного звонка. В классе меня недолюбливали, частенько смеялись, относились со снисхождением. Правильно. Кому нужна замороченная подружка в застиранных шмотках, у которой лишнего полтинника на кофе нет. А тут на тебе!

– Мне некогда, – повторила я, злясь, и попрощалась.

С досадой бросила телефон на тумбочку. Сама не понимала, почему так сильно разозлилась.

– Отлично, – себе под нос. – Просто отлично!

Прошла в кухню и, чтобы разбавить тишину, включила телевизор.

«На данный момент следствие…» – трещала из телевизора девушка.

Канал был местным, журналистка тоже. Поиски убийцы продолжались, но безрезультатно.

«Мать Ирины сообщила, что в последнее время дочь стала скрытной. Она предполагает, что у неё появился мужчина. Женщина нашла дорогие подарки, но дочь отказалась говорить, от кого они. Друзьям погибшей также ничего неизвестно», – заключила журналистка.

Переключила канал. Никому ничего неизвестно! Как всегда! В этом проклятом городке ничего никому никогда неизвестно! Ни о беспробудно пьющих родителях, ни о домогающихся к подросшим дочерям отцах, ни об одиноких стариках, неделями сидящих в четырёх стенах без возможности самостоятельно спуститься даже во двор! Зато ярлыки развешиваются в долю секунды.

Смешно, но за этот день обо мне «вспомнили» ещё три одноклассницы.

– Знаешь, Даш, – сказала с досадой, промокая волосы полотенцем, – я ещё никогда не была настолько популярна.

Хотела уже свернуть бестолковый разговор, но услышала тяжёлый вздох в трубку. Даша была одной из тех, кто держался особняком. Тёмная лошадка нашего класса. Этим мы с ней были похожи.

– Я тебе завидую, – вдруг призналась она. – Держись за этот шанс, Ник. Ничего хорошего таким, как мы с тобой, здесь не светит. Родим, превратимся в кур, живущих сплетнями… Бери то, что можешь взять. Поговорят и забудут. Через год никто ничего не вспомнит, а у тебя хоть воспоминания останутся. Я вот смотрю на свою мать… Вся жизнь коту под хвост. Вышла за ублюдка, драит полы в ДК. И меня то же ждёт. Страшно от этого.

– Даш… – я даже растерялась. Но ответить мне не дал звонок домофона. Пришлось наскоро попрощаться.

До вечера было ещё порядочно. Несмотря на то, что я дала себе слово игнорировать «будь готова» Германа, голову всё-таки вымыла. А заодно привела в порядок зону бикини и втёрла в кожу остатки просроченного крема. Совсем не потому, что он приказал быть готовой.

Увы, Даша права. В этом городе нечего ловить. Ей нечего, мне – тем более. Подсознательно я это понимала.

Экран видеодомофона продемонстрировал мне совсем не Германа.

– Ты что тут делаешь? – сняв трубку, спросила я.

– Звонил тебе, но ты не отвечала, – домофон был дорогой. Такой дорогой, что я отчётливо видела, как шевелятся губы Кеши. – Был недалеко.

Он продемонстрировал в камеру коробку. То ли с тортом, то ли с пирожными.

– Я ненадолго, Ник. Или какие-то проблемы?

Что он имел ввиду под словом проблемы, не имею понятия. Посмотрела на телефон. И правда, два пропущенных.

– Пустишь? – Кеша так и мялся у подъезда.

– Только на полчаса, – сдалась я.

Если бы он не выручил, отвертелась бы. А так… Пришлось напомнить себе, что Герман – журавль в небе. Как только отдам ему то, что вытащила из бумажника, вышвырнет меня. Куда мне тогда идти? И ладно мне. Вздохнула и нажала кнопку.

Домофон запищал, я отперла дверь и присела на край тумбочки. Промокнула волосы и поправила кофту. По крайней мере, Кешка не Герман. Ему, в случае чего, всегда смогу дать по рукам и сказать нет.

Кеша отхлебнул чай, стряхнул с пальцев крошки и оглядел кухню. До этого смотрел он по большей части на меня.

– Ты всё? – спросила, убирая со стола. Пирожные, которые он принёс, были слишком жирными и сладкими, но я всё равно съела два. Привыкла не отказываться, когда дают. Потом может и не быть.

– Давай помогу, – он поднялся и перехватил мои руки, забирая блюдца.

– Не надо, – хотела было отстраниться, но Кеша сжал пальцы. Прямой взгляд в глаза.

Мне вдруг стало очень неуютно. Блеск в зрачках был не таким хищным, как в глазах другого мужчины, но всё равно вселял тревогу.

– Кеш… – выдавила.

Он выхватил у меня блюдца и швырнул на стол.

– Ника, – просипел, подталкивая к подоконнику. – Ну что ты как… Неужели не понимаешь ничего?!

Его ладонь опустилась на мою талию. Он принялся целовать мою шею. Тяжело дышал, тёрся о меня бёдрами. Он был возбуждён, и ещё как возбуждён.

– Я без ума от тебя, – засипел мне в ухо. – С ума схожу. Твои волосы, пальцы… Вероника…

– Не надо, Кеш! – толкнула его. Он навалился сильнее.

Задрал кофту, принялся гладить меня. Пыхтел над ухом.

– Прекрати! – увернуться не выходило. – Кеша, перестань!

– Не могу, – сжал мою голову. Шальной взгляд был наполнен желанием. Не успела снова толкнуть его, он начал целовать. Целовал и пытался содрать с меня штаны. – Ника… – губы его были влажными и мягкими. От него пахло заправкой.

– Кеша! – всё-таки вырвалась. Ничего не соображая, бросилась в спальню. На кровати валялась подушка-собака, на полу – машинка. Господи… Кеша оказался в проёме двери. Растрёпанный, стремглав схватил меня за локти и прижал.

– Что тебе мешает? – горячо зашептал он.

Я качнула головой. Губы дрогнули. И опять поцелуй. Неловко шагнула назад, повалилась на постель, Кеша – сверху. Кофта поползла вверх. Замычав, упёрлась ему в грудь, с ужасом понимая, что он намного сильнее.

– Как ты появилась на заправке… – хрипло, сбивчиво, не прекращая искать мои губы своими, – так всё. У тебя волосы были в хвост собраны. А потом резинка порвалась. Ты её связала… А я на тебя смотрел и всё… Всё, Ника. Какая же ты красивая, – губами по щеке, по скуле. Я отвернулась, и влажные губы прошлись по моему носу. – Вероника… Ника…

Он хаотично целовал меня, озверев, касался груди. Боже, боже, боже…

Внезапно у входа раздался грохот. Тяжело дыша, Кеша повернул голову. Я сглотнула. В дверях стоял Герман. Злой как дьявол. Чёрные глаза полыхали яростью, на лице гуляли желваки.

– Пошёл вон, – процедил он, почти не шевеля губами. Смотрел при этом он не на Кешу – на меня. – Пошёл вон, сопляк, – повторил и, схватив за шкирку, швырнул Кешу прочь из нашей с Платоном комнаты.

Нет, не из нашей. Из своей. Эта комната была его, эта квартира была его. Я была на его территории, и он мог сделать всё что угодно. Удав и мышка…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kovalevskaya_alisa/ona-uhodit-so-mnoy

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить